

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ПОРОГ

Космос Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Порог

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С. В.

Порог / С. В. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2019 — (Космос Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-116301-3

Шесть галактических цивилизаций. Пять погибших планет. Четверо учёных из разных миров. Три звёздные системы. Два космических корабля. И одна большая беда для всей Вселенной.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116301-3

© Лукьяненко С. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвертая	40
Глава пятая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Лукьяненко

Порог

© С. Лукьяненко, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

От автора

Писатель, рассказывающий о нашем мире, как правило, обходится словами, существующими в нашем языке. Писатель, который рассказывает о других мирах или будущем, неизбежно сталкивается с проблемой – как назвать то, чему нет точного аналога?

Поскольку в этой книге действие происходит в будущем и в нескольких мирах, я был вынужден адаптировать большую часть незнакомых терминов, приведя их к знакомому виду. Однако надо учитывать, что отличия имеются практически всегда. Ряд терминов вообще пришлось оставить в грубой транскрипции – меры длины на Неваре не имеют точных аналогов среди земных языков, и автор счел нужным сохранить их в первоизданном виде. В то же время основные меры расстояния Соргоса крайне близки к человеческим (98 сантиметров и 1011 метров), поэтому автор решил использовать термины «метр» и «километр».

Вот примеры нескольких слов и терминов для любознательного читателя:

Земля

1. Книга, книжка – практически всегда имеется в виду электронная книга, выглядящая как прямоугольный лист мягкой ткани. При включении книга обретает твердость и становится похожей на лист плотного картона со сменяющимся изображением. В книге может быть записано огромное количество текстовой информации, но в отличие от планшета она не предназначена для показа видео, игровой или сетевой активности. Любопытная деталь – книга, разрезанная на несколько частей, превращается в несколько книг, каждая из которых полностью функциональна. Поэтому фразы «дай почитать», «поделишься книжкой», как правило, означают просьбу разорвать или разрезать книгу на части. Если речь идет о бумажной книге, которая является в большей мере предметом искусства и коллекционирования, то всегда уточняется: «бумажная книга».

2. Внешний английский – основной язык международного общения, официальный язык Космофлота. Базируется на классическом английском языке с сильно упрощенной грамматикой и значительными заимствованиями из других языков, в первую очередь китайского, испанского и русского. Считается деловым и техническим, писатели и поэты для творчества, как правило, используют национальные языки. Большей частью персонажи общаются именно на внешнем английском, в тех случаях когда они переходят на другие языки и это нужно для понимания ситуации или по соображениям приличия, их речь дается в оригинале.

3. Аудио-ксено – язык звукового общения, разработанный Ракс и принятый как стандарт для цивилизаций Соглашения, наряду с графити-ксено (письменная речь) и код-ксено (языком программирования и обмена машинной информацией). Обязателен для всех офицеров Космофлота. Очень прост по структуре и удобен для произношения всеми разумными видами. Еще более плохо приспособлен к передаче «избыточной информации», то есть художественных текстов, хотя отдельные энтузиасты разных видов предпринимают попытки адаптировать его для творчества.

4. Космофлот. Несмотря на совершенно явное происхождение от ВВС, ВМФ и прочих армейских структур различных стран, Космофлот не является в полной мере военной организацией, его офицеры представляют собой что-то среднее между офицерами ВМФ и моряками современного торгового флота. Связано это в первую очередь с тем, что существующие доктрины Соглашения вообще не предусматривают сколько-нибудь масштабных военных действий. Единственным членом экипажа, максимально приближенным к понятию «военного»,

можно назвать офицера специальных (то есть боевых) систем корабля. Впрочем, военную подготовку все офицеры проходят в полной мере. Как дань традиции. И на всякий случай.

5. Шеврон. В земном Космофлоте принято обозначение должности и звания посредством наруканных шевронов (по образу Советской армии времен Великой Отечественной войны или американской армии XX века). Цвет шеврона определяет, является ли офицер штабным, допущенным к полетам, находящимся в резерве и т. д. Число полосок на шевроне определяет звание, цвет – выслугу лет и особые заслуги. Погоны используются лишь в парадной форме.

Соргос

6. Семья. Семья на Соргосе отличается от земной. Как правило, это не брачное партнерство мужской и женской особей. В семье могут быть от двух особей до нескольких десятков, сексуальные отношения в семье также могут принимать разные формы – моногамные, полигамные, групповые. Возможны семьи, в которых секс внутри семьи вообще не практикуется, хотя это достаточно редкий случай. По сути, семьей называется группа особей, ведущих общее хозяйство и связанных той или иной целью, секс вторичен. Выделяют следующие группы семей: Младшая, или родительская, в которой особь растет; Средняя, или подростковая, молодежная, куда, как правило, уходит повзрослевший ребенок. Старшая, или материнская, которую создают для рождения собственных детей и совместного хозяйствования. Разумеется, что для одного – родительская семья, то для другого – материнская... Изредка возникают Почтенные, или старческие, семьи, куда уходят самые старые или одинокие особи. Впрочем, кризис традиционной семьи коснулся и Соргоса: многие особи вообще не создают семей или пропускают какой-либо этап.

Невар

7. Меры длины Невара отражают специфику дуальной цивилизации. Достаточно упомянуть, что «чи» (приблизительно полтора сантиметра) – это размер полового члена взрослого гуманоида, а «глан» (около восьмидесяти шести сантиметров) – это средняя длина хвоста женской кошачьей особи.

8. «Тра» – термин кошачьих Невара, слово в «невероятном будущем времени», в современности используется для обозначения лишь двух вещей: 1) объекта любви, секс или брачный союз с которым исключен по причине физиологии, возраста, пола или иных обстоятельств непреодолимой силы. Любопытно, что употребляется лишь термин «тра-жена»; «тра-муж» звучит, с точки зрения кошачьих Невара, очень смешно и нелепо; 2) неопределенно долгой и счастливой жизни, блаженства и покоя.

Феол

9. «Лучшая часть меня» – термин, которым гуманоидная особь Феол называет мозгового червя, с которым находится в симбиозе. Гуманоиды Феол практически лишены эмоций, но обладают развитым интеллектом. Червеобразный симбионт, эволюционно приспособленный для жизни в их организме, сам по себе практически не разумен, но дает эмоциональную составляющую общей личности. В принципе буквальное наименование симбионта должно переводиться как «совесть», но подобный перевод несколько запутал бы читателя.

Классификация разумных миров, принятая в Соглашении

1-й уровень – *цивилизация до-технического уровня.*

(Примечание Феол – «термин “до-технического” идентичен термину “до-селекционного”».)

2-й уровень – *цивилизация начального технического уровня, до преодоления притяжения материнской планеты и выхода в космос.*

(Примечание Человечества – «выходом в космос является достижение скорости убегания применительно к материнской планете».)

3-й уровень – *цивилизация, вышедшая в космическое пространство и совершающая полеты в пределах своей звездной системы.*

(Примечание Ауран – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство посредством устройств типа “космический лифт”, “катапульта” или “пушка” также считается полетом».

Примечание Феол – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство внутри природных или искусственно созданных живых организмов считается полетом».

Примечание Ракс – «перемещением считается смена положения с поверхности планеты на положение вовне».)

4-й уровень – *цивилизация, имеющая постоянные и самодостаточные поселения вне материнской планеты, но в пределах своей звездной системы.*

(Примечание Халл-3 – «самодостаточность поселения определяется решением его жителей, а не решением жителей материнского мира».

Примечание Халл – «единая и неделимая цивилизация Халл оставляет за собой право выборочно толковать данный пункт».)

5-й уровень – *цивилизация, достигшая любой иной звездной системы.*

(Примечание Ракс – «под достижением иной звездной системы понимается как пилотируемая, так и непилотируемая экспедиция».

Примечание Халл – «под экспедицией понимается перемещение из одной звездной системы в другую материальных тел, способных к передаче информации и (или) осуществлению какой-либо полезной работы».

Примечание Ауран – «иная звездная система должна находиться на расстоянии не менее трех с половиной световых месяцев от материнской звезды и на расстоянии, сводящем гравитационное взаимодействие звезд к ничтожно малым величинам».

Примечание Человечества – «достижение иной звездной системы неисправным зондом или кораблем с мертвым экипажем засчитывается, если причина гибели экспедиции не носила системного характера и может быть названа случайной».)

Миры, достигшие 5-го уровня, приглашаются к участию в Соглашении.

Контакты с цивилизациями первого – четвертого уровней строго ограничены.

Решение о контакте или вмешательстве, выходящем за границы научного и (или) локального, может быть принято только общим консенсусом цивилизаций Соглашения.

Каждая цивилизация Соглашения несет ответственность за цивилизации первого – четвертого уровней в своей зоне влияния.

Каждая цивилизация Соглашения вправе контролировать соблюдение правил иными цивилизациями Соглашения.

Халл

Ауран

Феол

Ракс

Человечество

Халл-3

Экипаж научного корабля «Твен»

Валентин Горчаков, человек, капитан второго ранга, 34 года. Командир корабля.

Матиас Хофмайстер, человек, капитан третьего ранга, 34 года. Старший помощник.

Анна Мегер, человек, 47 лет. Мастер-пилот.

Гюнтер Вальц, человек, 30 лет. Оператор специальных систем корабля.

Лев Соколовский, человек, 78 лет. Врач.

Теодор Сквэд, человек, кадет, 16 лет. Системный администратор, специалист по ИИ.

Алекс Йохансон, человек-плюс, кадет, 17 лет. Навигатор.

Лючия Д'Амико, человек, кадет, 17 лет. Специалист систем жизнеобеспечения.

Искин корабля «Твен»

Марк, квантовый компьютер 6-го поколения, Искусственный интеллект – искин, 70-й цикл ядра. Синтетическая личность.

Научная группа корабля «Твен»

Бэзил Годфри Николсон, человек, 48 лет. Доктор наук, специалист по дуальной цивилизации Невар.

Мэйли Ван, человек, 41 год. Профессор, доктор наук, специалист по фелиноидам системы Невар.

Ксения. Ракс. 0 лет. Третья-вовне. Наблюдатель.

Уолр. Халл-3. 71 год. Специалист по гуманоидным формам жизни.

Станция наблюдения Невар

Прима. Ракс. 2 года. Первая-вовне. Наблюдатель.

Двести шесть – пять / Толла. Феол. 82 года / 6 лет. Созерцатель агрессии.

Система Невар, планета Кехгар (Земля), или Желанная

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Офицер третьей ступени Небесной Стражи поста 109–74.

Латта. Гуманоид. 27 лет. Военнослужащая. Офицер второй ступени Небесной Стражи поста 109–74.

Система Невар, планета Ласковая

Линге. Киса. 19 лет. Брачный партнер (временная жена) Криди.

«Дружба» – первый межзвездный корабль дуальной цивилизации Невар

Криди. Кот. 36 лет. Инженер. Начальник инженерной группы.

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Тра-жена Криди.

Норти. Капитан от кис. 57 лет.

Лерии. Капитан от гуманоидов. 48 лет.

Казвар. Гуманоид. 51 год. Геолог.

Система Соргос, планета Соргос

Ян. Черный. 33 года. Инженер, военный служащий, учитель.

Адиан. Черная. 31 год. Социолог, экономический и политический аналитик.

Сарк. Черный. 42 года. Старший лейтенант ракетных войск.

Рыж. Рыжий. 16 лет. Подросток.

Лан. Черная. 16 лет. Подросток.

Часть первая

Глава первая

Сопло ракеты было отполировано до зеркального блеска. В гладком металле Ян видел свое искаженное отражение – слишком большая голова, слишком узкие плечи, торчащие как лопухи уши, растрепанная грива черных волос. Налобный фонарик горел яркой разлапистой звездой.

Комната смеха с кривыми зеркалами, а не пусковая установка.

– Температура плюс три! – скомандовал офицер пуска. – Втулка четыре!

В руку Яна легла тяжелая бронзовая втулка. На всякий случай он глянул: убедился, что номер правильный, – и стал аккуратно, чтобы не сбить резьбу, вкручивать втулку внутрь сопла.

«Гром» был новой моделью баллистических ракет с улучшенной точностью попадания. Но давалось это непросто. Мало того что пусковая установка должна была устанавливаться с немыслимой точностью, так еще и сама ракета настраивалась в зависимости от массы параметров: скорости ветра, температуры, срока, прошедшего с момента изготовления топлива. Шашки пороховых двигателей со временем меняли параметры горения, и это тоже надо было учитывать.

– Снять чехлы со спецБЧ! – приказал офицер, и рука Яна дрогнула. К счастью, втулка уже легла на резьбу. Если с особой БЧ снимают теплые кожухи со встроенными спиралями подогрева, значит дело идет к пуску.

Ян докрутил втулку, прихватил ее специнструментом и дождал до конца. По инструкции полагалось использовать инструмент с самого начала, но в войсках давно убедились, что на практике это неудобно. Даже контролирующие с завода молча закрывали на это глаза: переписать инструкции и согласовать их было сложнее, чем позволить ракетчикам следовать здравому смыслу.

Ян выбрался из сопла, куда забрался почти до пояса, спрыгнул с пускового комплекса на истоптанный грязный снег. Дивизион «Громов» стоял в ложбине, укрытый от противника густым лесом. Несколько ламп, прикрытых маскировочными абажурами, высвечивали агрегаты ракеты, с которыми еще шла работа.

– Готовность двадцать! – скомандовал офицер. – Завершить наводку! Проверить укрытие!

Сердце гулко застучало в груди. Ян вопросительно посмотрел на старшего лейтенанта Сарка, тот встретил его взгляд, слегка кивнул. Офицер боялся. Радист, сидящий на раскладном стульчике рядом с офицером, боялся тоже. Но ему хотя бы было чем заняться – всходило Солнце, ионосферу забивали помехи от магнитных бурь, и он безуспешно пытался от них отстроиться. Суetyающиеся солдаты, складывающие брезентовые чехлы БЧ, боялись не меньше, но и у них было дело. А Ян свою работу закончил.

Наверное – последнюю в жизни работу.

Войны между Западом и Востоком случались нередко. Менялись страны и союзы, в них участвующие. Менялись поводы каждого конфликта. Причина, конечно, была всегда одна.

Но каждая война рано или поздно заканчивалась. Ни одна из сторон не могла уничтожить или завоевать другую, и с этим приходилось мириться.

Теперь все изменилось. Теперь у каждой стороны было ядерное оружие. Одиннадцать лет, с момента первого взрыва на пустынном северном полигоне, обе стороны работали над атомными проектами. Этому было подчинено все – начиная от запуска спутников фоторазведки и заканчивая строительством убежищ в городах.

Теперь настал момент истины.

Больше ни от кого и ничего не зависело. Все знали, что война будет. Разве что сам Господь мог ее остановить.

Ян отошел от ракетной установки, у которой остались одни лишь наводчики, до последнего подкручивающие верньеры, вымеряющие угол возвышения ракеты, делающие поправки на ветер. Крыльчатка анемометра, раскрашенная кем-то в яркие цвета наподобие детской игрушки, крутилась на вкопанной в землю штанге. Интересно, дойдет ли сюда ветер, когда детонирует особая БЧ? Ян прикинул расстояние, рельеф, мощность БЧ (которую вообще-то ему знать не полагалось – он отвечал лишь за двигательную установку). Дойдет. Впрочем, бояться стоит не этой БЧ, а той, что прилетит в ответ. Что там, у противника? Оперативное соединение «Дивов», шесть крылатых ракет. Хватит для ответного удара. Ян глянул на укрытие – вырытый в мерзлой земле окоп полного профиля. Покачал головой. Несерьезно. Другие ракетчики тоже стояли рядом, не торопясь забираться в окоп.

– Снять предохранители с БЧ! – приказал офицер пуска.

Яну вдруг отчаянно захотелось жить – вместе с ясным пониманием того, что жить осталось недолго.

Он порылся в карманах, достал картонную пачку, заглянул внутрь. Пусто. Кто-то из стоящих рядом молча протянул ему свою, Ян кивнул, вежливо отломил маленький кусочек прессованной травы, на полжвачки. На него глянули насмешливо, и он перестал стесняться, оторвал себе полную порцию. Трава была главной армейской валютой, просто так ею не делились, пайки все время урезали, но теперь это уже было не важно.

Бросив в рот кусок маслянистой сечки, Ян разжевал ее, прикрыл глаза. Соленая горечь защипала язык, небо слегка онемело. Ян попытался вспомнить слова уместной в такие минуты молитвы, но все они ускользали, мелькало лишь с детства затверженное: «Ангел Господний, укрой мир крылами от бед...»

Что ж, ничем не хуже любой другой молитвы. Эту знали и дети, и взрослые. И восточные, и западные, и черные, и рыжие.

Ян открыл глаза, посмотрел в светлеющее небо. Только самые яркие звезды еще мерцали над головой. Ян прошептал одними губами:

– Ангел Господний...

В небе вспыхнула яркая звезда.

Мгновение Ян ждал, что звезда разгорится, превратится в шар ядерного взрыва, как в учебных фильмах. Им говорили, что противник может осуществить стратосферный взрыв с целью заглушения каналов связи, – хотя зачем это на рассвете, когда радио и так не работает?

Но звезда не разгоралась. Она вытягивалась – точка превратилась в луч, протянувшийся на полнеба...

Ян почувствовал, что челюсть отвисает и куски едва разжеванной травы выпадают под ноги. Этого не могло быть! Нет, нет, не так же буквально, он инженер, он современный человек, он верит в Господа и Ангела Его, но описанное в старых духовных книгах надо понимать иносказательно...

Звезда превратилась в сияющую линию, а потом раскинула два огромных, каждое на полнеба, радужных крыла. Это немного походило на небесное сияние, только его не бывает так далеко на юге, на исходе ночи, и оно не принимает форму исполинских крыльев...

Ян упал на колени. Из глаз сами собой потекли слезы.

Невозможно. Немыслимо.

Но это случилось.

Описанное в священных книгах, дважды случавшееся, – повторилось снова.

Господь предельно ясно выразил свое отношение к происходящему.

– Вставить предохранители в БЧ! – выкрикнул старший лейтенант Сарк, и в голосе его было облегчение. – Ждем распоряжений из штаба!

* * *

Письменный стол был старый, с истертой под локтями поверхностью, за столом располагалось обшарпанное незргономичное кресло; для посетителей имелись два кресла поновее, но столь же не располагающие к комфорту. Валентин несколько секунд ерзал, пытаясь усесться удобнее, потом смирился. Стол медленно выкатывал из прорези принтера листы служебного предписания, ощутимо тормозя в тех местах, где требовалось сформировать активные печати. Иногда принтер издавал всхлипывающие звуки, похожие на горестные человеческие вздохи. То ли барахла помпа, то ли кончался картридж пластика. Хозяин кабинета – такой же немолодой, неспешный и потертый, как мебель в кабинете, – аккуратно складывал листы в стопку. Китель на нем был расстегнут, рубашка помята, волосы длинноваты для уставной стрижки.

Впрочем, и сам Валентин не выглядел эталонным офицером Космофлота. Форма была сшита на заказ – но сидела как-то неловко, будто не по размеру, безукоризненно короткие светлые волосы ухитрились топорщиться, черты лица у него были правильны и даже красивы – по отдельности, но все вместе складывались в совершенно обычное, незапоминающееся лицо. Он был довольно высок и достаточно широкоплеч, но все равно хотелось добавить ему либо роста, либо комплекции. Так порой выглядят подростки, но они быстро перерастают свой неловкий возраст. Валентину было около тридцати, со своей нескладностью он уже смирился, но все еще надеялся с годами обрести положенную командиром корабля внушительность.

Конечно, если он останется командиром корабля.

Валентин посмотрел в окно. Точнее – в экран с умиротворяющим вечерним видом на лесное озеро. Спросил:

– Финляндия?

Хозяин кабинета повернул голову, без интереса глянул на экран.

– Да, вероятно.

Он достал очередной лист, присоединил его к пачке. Посмотрел на Валентина. На его лице отразилась тень любопытства.

– Знакомое место?

Валентин на миг заколебался:

– Если позволите... капитан третьего ранга.

– Разумеется, капитан второго ранга, – кивнул хозяин кабинета.

В этом месте разница в звании не играла никакой роли, должность была важнее. Пожилой капитан третьего ранга, засидевшийся на своей должности в штабе Флота, был начальником, Валентин – подчиненным. Одним из многих самоуверенных, амбициозных, еще не пережеванных жизнью офицеров. К тому же – проштрафившимся.

– Место незнакомое, – признался Валентин. – Но это и не важно, и не интересно.

Принтер принялся натужно печатать последнюю страницу, на которой было слишком много активных печатей.

– А что интересно и важно? – спросил капитан третьего ранга, держа руку у выползающего листка.

– Если позволите...

– Я уже дал разрешение.

– Интересно и важно то, что у вас в кабинете нет никаких личных вещей. Фотографии, сувениры, таблички с названиями кораблей, где вы служили...

– Возможно, я не служил в космосе, – сказал капитан третьего ранга, постукивая пальцами по листку, будто пытаясь его поторопить.

Валентин вежливо улыбнулся.

– И вдобавок – видеоокно с не знакомым вам пейзажем! Скажу честно, не встречал людей, которые работают в таких стерильных помещениях.

– Люди порой ведут себя странно, – сказал капитан третьего ранга. Листок выполз из принтера и упал на стол, но хозяин кабинета не спешил его подбирать. – Например, успешный молодой командир, которому прочат хорошую карьеру, включает отражатель Лавуа, находясь в ста тысячах километров от планеты раннего третьего уровня. Странно, не находите?

Валентин виновато кивнул:

– Вы правы. Но это оплошность, не странность. Я не учел активность звезды, а в нормальных условиях раннекосмические технологии не позволяют обнаружить отражающее поле.

– Ну да, – саркастически сказал капитан третьего ранга. – А вот при солнечной буре отражатель создает замечательную картину даже для невооруженного глаза. Как это называют на Соргосе? Крылья ангела?

– Совершенно верно, – подтвердил Валентин. – «Два огромных крыла распускаются в небе, осеняя мир...»

– «Призывая к смирению и покаянию», – кивнул капитан третьего ранга. – Вам повезло, Валентин, что именно к смирению. Если бы ваша иллюминация не остановила войну, а развязала, вы пошли бы под трибунал... – Он сделал паузу и вдруг произнес с воодушевлением, будто эта мысль только что пришла ему в голову: – А может быть, вы знали суеверия Соргоса? А?

– В этом не было бы ничего удивительного, в конце концов, мы находились в миссии почти месяц, – признал Валентин. – Но знаете, что на самом деле удивительно?

Капитан третьего ранга вопросительно посмотрел на него.

– Удивительно то, что *вы* знаете проповедь блаженного Эвслана. Это заставляет задуматься.

– И к какому выводу вы приходите? – заинтересовался капитан третьего ранга.

Валентин еще раз обвел взглядом кабинет. Пан или пропал...

* * *

Примерно через полчаса Валентин вышел из кабинета. Постоял несколько мгновений, глядя на лифт в конце длинного пустынного коридора. Пробормотал:

– Нет, какого черта...

Повернулся и открыл дверь снова.

За дверью была просторная комната с панорамным окном, выходящим на Балтийский залив. В помещении было шесть столов, сейчас пустовавших – у окна с хохотом общались шесть женщин средних лет с бокалами в руках. Открытая бутылка вина стояла на подоконнике, еще одна, пустая, – на полу. Судя по одежде, это были гражданские сотрудницы.

– Товарищ капитан второго ранга, отдел кадров на этаж выше! – окинув его любопытным взглядом, сказала одна из женщин.

– Но вы можете смело заходить! – кокетливо добавила самая пожилая из женщин. – У меня день рождения!

– Поздравляю, – пробормотал Валентин. Посмотрел на служебное предписание, которое держал в руке, вздохнул, закрыл дверь – вызвав взрыв хохота и чью-то реплику: «Вика, ты напугала мальчика!»

Валентин прошел к лифту, который словно поджидал его на этаже, и сказал:

– Вестибюль.

Лифт пошел вниз.

– Даже не буду пытаться понять, – сказал Валентин в пространство, на случай если за ним наблюдают.

Через три минуты он вышел из башни европейского отделения Космофлота. Был жаркий день из тех, что порой случаются в середине прибалтийского лета, только где-то высоко над заливом плыли белые облачка. Стеклоплатная пирамида регионального штаба была здесь единственным высотным зданием, стоящим посреди уютного городка в старонемецком стиле – от фахверка до неоготики. Все – новодел, но выглядел он вполне правдоподобно, хотя мрачноватый собор с горгульями, по мнению Валентина, был тут все-таки излишним.

Еще через пять минут Валентин подошел к ресторанчику «Повод», одному из тех, где традиционно встречались офицеры Космофлота. У кого-то всегда был повод праздновать, у кого-то печалиться. Относительно себя Валентин пока не определился.

На открытой веранде сидел с бокалом пива подтянутый капитан третьего ранга. Он был ровесником Валентина, но в отличие от него выглядел космонавтом с рекламного плаката – красивый, улыбчивый, весь какой-то соразмерный и самодостаточный. Мундир на нем сидел ладно, кожа была загорелая, светлые волосы казались длиннее, чем были.

Пожалуй, он лучше всего смотрелся именно здесь, в подчеркнуто гражданской обстановке. Скафандры, корабли, космос – все это было бы уже лишним и только отвлекало внимание. Парень беседовал с официанткой, улыбающейся ему куда более искренне, чем требовала профессия. Впрочем, индикатор эмоций, сережку которого девушка вызывающе носила в левом ухе, мерцал зеленым и розовым совсем уж откровенно.

Валентина девушка удостоила лишь дежурной улыбки.

– Мне того же, – сказал Валентин, садясь напротив капитана третьего ранга.

Девушка с явной неохотой ушла. Валентин сидел на плетеном стуле, заложив ногу за ногу и глядя на капитана третьего ранга. При его появлении тот явно занервничал. Глотнул пива. Картинно оглянулся вслед официантке. Потом не выдержал:

– Ну что, командир?

– Ты о чем, старпом? – добродушно спросил Валентин.

– На какое корыто нас загнали?

– Нас? – Валентин сделал паузу. – Ах да. Виноват же я. Прости, Матиас. Запомню. Матиас заерзал на стуле.

– Валя, я же хотел написать рапорт...

– Я командир, – сказал Валентин. – Я отвечаю за все. В том числе и за включение отражателя. Не лезь мне через голову.

Лицо Матиаса стало тверже, а взгляд жестче.

– Валентин, может, я и сломал нашу карьеру... твою карьеру... но мы спасли миллионы жизней.

– Скорее сотни миллионов, – рассеянно поправил Валентин. – Ладно, не парься. Все не так плохо.

– Нас оставили на «Енисее»? – поразился Матиас.

– Нет. Меня назначили на корвет «Твен», серия АС.

Матиас нахмурился. Потом сказал:

– Подожди... Эй-си... ну так он почти такой же, как «Енисей». Только новее!

– Ну да. За счет этого легче, и экипаж всего восемь человек.

Матиас торжествующе рассмеялся.

– Ага! То есть формально выглядит как наказание, тебе дали корабль поменьше! Все-таки в штабе остались внятные мужики... Варианты какие-то были?

– Да так, ерунда, предлагали старпомом на корабль побольше... – отмахнулся Валентин. – Я отказался, конечно.

Официантка принесла ему бокал пива, бросила взгляд на Матиаса и ушла.

– Значит, на «Твена»... – Матиас помрачнел.

– А вдруг тебя назначат командиром «Енисея»? – спросил Валентин.

– Я не гожусь, – неожиданно твердо сказал Матиас. – Пока не гожусь. Я это знаю, и ты это знаешь. И даже в штабе, полагаю, знают, что мое место – второе.

– Тогда я беру тебя старпомом на «Твена». – Валентин сдвинул бокал с бокалом Матиаса.

– Кэп...

– Проехали, – сказал Валентин. – Не благодари. В конце концов, мы же спасли миллионы жизней. Впрочем, к чему мелочиться? Миллиард жизней. Уйдем вместе.

Матиас медлил, потом поставил кружку.

– Валя, мы с тобой сколько дружим?

– С первого курса, с шестнадцати, – ответил Валентин. Нахмурился. – Пятнадцать лет.

– Кто из нас окончил училище с золотым дипломом?

– Ты. – Валентин пожал плечами.

– Кто лучший пилот?

– Ты. – Валентин улыбнулся, но уже с легким раздражением.

– Кто знал все соргосские суеверия и придумал, как остановить войну?

– Ты, блин! Матиас, что сказать-то хочешь?

Матиас вновь взял кружку и осушил одним глотком. Подался через стол к Валентину.

– Валька, мы друзья. С юности, можно сказать. В одной комнате жили, на одном курсе учились, на «Гранде» практику проходили, на один корабль распределились. Все вместе. Только я всегда был лучше. Немного, но лучше.

– Матиас, я с этим не спорю...

– Кто из нас был старостой группы?

– Я, – ответил Валентин.

– Кто руководил курсантами на «Гранде»?

– Я.

– Кто через месяц стал помощником командира на «Шпрее»?

– Я.

– Кого перевели на «Енисей» с назначением старпомом?

– Меня.

Матиас удовлетворенно кивнул.

– Ну, так ты меня понял?

– Нет! – упрямо сказал Валентин.

Матиас рассмеялся. Официантка с надеждой посмотрела на него от стойки.

– Валька, ты лидер. Я могу быть лучше тебя в чем угодно, но если мы служим вместе – ты всегда будешь меня опережать. Командир корабля из меня получится хороший, но только если тебя рядом нет.

– Зато все девчонки твои.

– А корабли – твои. Валя, мы друзья. Но пора выбрать разные дороги.

Валентин покосился на официантку. Та отвернулась. Сережка в ее ухе светилась нейтральным белым светом.

– Матиас, ты мне нужен.

– С какой стати? Найдешь хорошего старпома.

Все было бы гораздо проще, если бы Валентин мог объяснить, в чем дело. Но он не мог.

– Матиас, хотя бы один полет. Сработаться с кораблем, командой...

– Валька, ну не втягивай меня...

– Мати, полет интересный. Система Невар, две цивилизации...

– Две цивилизации и пять обитаемых планет в системе! – Тон Матиаса сразу изменился, глаза загорелись. – Любопытный мир, я про него многое читал. Рейс к Невару?

– Я же говорю. Везем туда группу ученых. Неужели не интересно?

– Валя, сволочь ты все-таки!

Валентин покорно кивнул.

– Один рейс, – решил Матиас. – Только один, слышишь? А потом подписываешь мне такую восторженную характеристику, какую сочиняют только для покойников. И даже не пробуешь удержать!

Валентин поднял руки вверх и кивнул.

– Только потому, что мне интересна эта система, – сказал Матиас. – Повезло тебе... черт, как всегда, повезло.

– Мати, я не пойму, зачем ты пошел во флот? – спросил Валентин. – Если так интересны чужие – надо было идти в науку, в ксенопсихологию или экзобиологию.

– Дурак был, – самокритично признал Матиас. – Не понимал, что космонавты только возят ученых, а романтики в нашей работе не больше, чем у дальнотойщика.

Валентин кивнул и достал телефон.

– Расскажи мне про Невар. А я пока закажу места на челноке.

– Вот прямо так, сразу? – Матиас вздохнул. – Невар... очень своеобразный мир. Пять обитаемых планет. На одной развилась гуманоидная цивилизация. Симпатичные такие аборигены, только ростом повыше. Бабы все будто манекенщицы, ноги от плеч, стройные, глазища – во! На другой... ну, условно говоря – фелиноиды, хотя и прямоходящие. Обе расы кислорододышащие, гравитационный и температурный диапазон тоже близки. Контакт между собой они установили еще на втором уровне. Чистая жюльверновщина! Там были световые телеграфы из огромных зеркал в пустынях и попытки забросить капсулы с почтой при помощи гигантских пушек. Вроде как пару раз это даже получилось. Потом был и первый контакт в космосе, вполне дружественный. Обмен технологиями. Посольства на материнских мирах. И совместная программа освоения трех пригодных для жизни планет. Одна – так вообще конфетка, ее кисты себе забрали. Две другие похуже, но в целом тоже неплохо, как Марс после терраформирования. Они достались гуманоидам. Гуманоидов мы традиционно называем людьми, хотя самоназвание по смыслу значит что-то вроде «дети солнца», а фелиноидов – кисами, это наиболее близко к тому, как их называют гуманоиды.

– Кисты? – удивился Валентин.

– Именно. На планете гуманоидов есть несколько видов одомашненных кошачьих, они использовали их ласковое название для обозначения соседей по системе. Те не против, поскольку у них не было общего наименования для своего вида.

– Как так?

Матиас пожал плечами.

– А кто их знает? Кошки! Сейчас обе расы строят межзвездный корабль. Собираются лететь к ближайшей звезде, где обнаружили планету земного типа, правда, колонизировать ее им не удастся, потому что это...

– Соргос, – кивнул Валентин.

– Правильно. Соргос, планета занята, но они пока этого не знают. Техническое развитие Невара находится на уровне середины двадцать первого века.

– Ты ходячая энциклопедия, – сказал Валентин.

– Просто мне это интересно.

Валентин спрятал телефон, кивнул:

– Через полчаса придет машина. Едем в порт, через три часа на орбиту. Будем знакомиться с кораблем. Он в Звездном порту.

– Есть время на кружку пива, – решил Матиас. Вроде бы даже не сделал никакого жеста, даже головы не повернул, но официантка уже шла к ним.

– И мне закажи, – вздохнул Валентин. – А скажи, конфликты у этих гуманоидов и фелиноидов случаются?

– Вот что особенно поразительно в сложившейся дуальной цивилизации Невара, – с явным удовольствием, будто лекцию читая, произнес Матиас, – что их нет и никогда не было.

Глава вторая

Титановый волновод диаметром был чуть меньше тридцати чи, а вот длиной превышал сто сорок глан. При этом он трижды обвивал корпус генератора, был изнутри покрыт тонким слоем серебра и имел двенадцать отводов в резонирующие полости, закрытые прочными, но хрупкими керамическими мембранами.

В общем – запускать внутрь кибера или дрона было очень плохой идеей. Результатом скорее всего стала бы необходимость полной разборки, дефектоскопии и повторной полировки внутреннего канала.

Анге сидела у входного отверстия волновода и прислушивалась. В волноводе шелестело, пыхтело и временами грязно и сдавленно ругалось. Не выдержав, Анге достала фонарик, подавалась вперед и посветила внутрь. Сверкнули два зеленовато-желтых узких зрачка – Криди был уже в паре глан от нее.

– Дочь обезьяны, выключи! – едва разборчиво донеслось из волновода.

Анге торопливо убрала фонарик.

Ну зачем, зачем стапели с кораблем вращались? Если бы не центробежная сила, создающая подобие тяготения, ничего бы не случилось. В невесомости мусор не падает...

Еще несколько мгновений – и голова Криди показалась из отверстия. Мягкая рыжая шерсть была будто прилизана от стосорокагланового путешествия. Уши прижаты к голове и вывернуты. Глаза были одновременно злыми и восторженными. В оскаленных клыках кисы был крепко сжат пластиковый хомутик.

– Держи! – прошипел Криди.

Анге дрожащей рукой забрала из пасти хомутик, спрятала в мешок с инструментами. Попыталась помочь Криди, но тот уже выпростал из волновода передние лапы с втянутыми когтями, извивающимся движением подался вперед – и выпал из отверстия. Криди был абсолютно голым, хотя на людях кисы обычно носили шорты или юбку. Хвост нервно бил по рифленой стали палубы.

– Криди... – прошептала Анге. – Криди, спасибо...

– Дура, бестолочь, лысая обезьяна! – Кот поднялся на задние лапы. – Отвернись, мне надо привести себя в порядок.

Анге послушно отвернулась. В своем кругу кисы не стеснялись вылизываться даже в самых интимных местах. Но в человеческом обществе они предпочитали этого не делать. Тем более – при существах противоположного пола.

– Трудно было? – спросила она.

– Что тут трудного, – с сарказмом произнес Криди. – Я же киса. Что мне стоит проползти сто сорок глан по узкой холодной извитой трубе, выискивая мусор, который ты уронила? Ты ползала сто сорок глан со втянутыми когтями?

– У нас ногти вообще не втягиваются, – глупо ответила Анге.

– Да что ты говоришь... – с сарказмом произнес Криди. – Ладно, помолчи, я занят.

Некоторое время Анге молчала, глядя в темный зев волновода. Потом спросила:

– Ничего не повреждено? Не поцарапано?

– Нет, – ответил Криди после короткой паузы. – Спасибо, что не уронила болт.

Анге пристыженно замолчала. Потом подняла с палубы вакуумный шланг с переходником. Аккуратно закрепила переходник на отверстии волновода. Сказала:

– Спасибо, Криди. Для меня было честью работать с тобой.

– Эй, глупая женщина, зачем ты прощаешься?

Криди подошел к ней – уже в шортах, на задних лапах, как кисы обычно делали при личном разговоре с людьми.

– Ну, под трибунал я теперь не попаду. Наверное. – Анге улыбнулась. – Но и в экипаж меня никто не возьмет.

– Почему? – удивился Криди.

– Ну... – Анге запнулась. К чему грузить кота человеческими проблемами? – Я едва не загубила двигатель, который собирали два года.

– Но ты же ничего не загубила.

– Но я могла. Я уронила хомут...

– Какой хомут? – Криди повел мордой из стороны в сторону. Заглянул в волновод. Потом картинно показал на прозрачный мешок с мусором и воскликнул: – Эй, человеческая женщина! Вот твой крепез.

– Но ведь это ты...

– Что я? – Криди уставился на нее янтарными узкими глазами. – Ты пришла подготовить волновод к продувке, и, как я вижу, он готов. Я даже был настолько придирчив, что забрался в него и прополз насквозь. Я ведь славлюсь своей недоверчивостью. Давай наряд, я подпишу.

– Криди... – Анге смотрела ему в глаза. Сейчас, когда она сидела на корточках, а Криди стоял на задних лапах, они были почти одного роста. – Но... у нас так не принято.

Криди возмущенно заурчал:

– Вы странные, странные существа. Вы наказываете друг друга за ошибки, которые были исправлены и не имели последствий. Наш вид так не поступает. Если нет последствий, то нет и ошибки.

– Но ты рисковал.

– Я все равно хотел проверить волновод. – Криди протянул переднюю лапу, положил ей на плечо. – Ты хороший техник. Если меня назначат главой ремонтной группы, я потребую тебя в помощники.

Анге кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Ты же завтра проголосуешь за меня? – небрежно поинтересовался Криди.

Анге на миг остолбенела, потом невольно рассмеялась:

– Никогда я вас не пойму, кисы... Да, проголосую.

– Что понимать-то? – Криди усмехнулся, стегнув по палубе хвостом. – Вы стайные. Мы одиночки.

– Вам проще.

На миг глаза Криди вдруг расширились, взгляд стал жестче.

– Нет, человеческая женщина. Не скажи.

* * *

Теодор Сквэд был удивительно собранным и целеустремленным для своего возраста. В шестнадцать лет даже кадеты астроколледжа в большей степени дети, чем астронавты.

Теодор свою жизнь четко распланировал еще с шести лет – и не отклонялся от планов ни на шаг. Минимальным возрастом, в котором кадет теоретически мог рассчитывать на участие в межзвездной экспедиции, было шестнадцать лет. Разумеется, в случае прекрасной физической формы, блистательной учебы и совершенно недетской организованности.

Шестилетний Тедди, единственный родной сын преуспевающей триадной семьи тexas-ских фермеров, сидел в домике на дереве и сосредоточенно смотрел в книжку. Был жаркий безветренный день. Домик у Тедди был фиговый, то, что в России называют «из соплей и палок»; единственными, кого домик выдерживал, были Тедди и его пятилетняя сестренка, но зато он построил его сам, не позволив отцам вбить хотя бы один гвоздь.

– Тедди! – позвала из дома мать. Тедди слышал ее голос, но ничего не ответил. Мать знала, где он, отвечать было лишней тратой времени. Надо было принять решение.

Маленький Тедди посмотрел в безоблачное, белесое от жары небо. Сверкающая паутина Космосити как раз сейчас проплывала над головой. Звездный порт сиял в центре паутины, будто паук в своих сетях. Но Космосити – ерунда. До него немногим больше тысячи километров.

Настоящий космос ужасно далеко, до него световые годы, парсеки и мегапарсеки. Там скользили огромные корабли Халл, шныряли таинственные зонды Ауран, перемещались из точки в точку корабли Ракс. Там жили тысячи и миллионы удивительных инопланетян. До этого космоса было десять лет жизни. И ни днем больше – Тедди решил это твердо.

Тедди скомкал книжку и засунул ее в кармашек шорт. Сейчас придется объяснять матери, что осенью он уедет учиться в астроколледж. Потом спорить с отцами – их убедить будет труднее. Но Тедди был уверен, что справится...

Он и справился. Он прошел первый этап обучения и добился редчайшей награды для шестнадцатилетнего кадета – полной практики на не учебном космическом корабле. Красавец «Техас» – пассажирский большетоннажный корабль – шел в рейс на Халл-3 с заходом на восемь обитаемых планет. Полгода в космосе. «Техас» часто использовали для прохождения курсантами выпускной практики – уж слишком показательным был маршрут.

В шестнадцать лет Тедди рассчитывал оказаться в настоящем космосе.

И все это сейчас полетело к чертям.

– К чертям! – выругался Тедди и мысленно укорил себя за ругань. Его родители были очень набожными, и такие слова из уст сына их бы неизбежно расстроили.

– Тедди, да придумают что-нибудь, – сказал Алекс Йохансон. Ему было семнадцать, что тоже весьма неплохо для первой галактической практики. Вся тройка кадетов были парни не промах, включая единственную девушку.

– Тедди, я очень виновата, – извиняющимся тоном сказала Лючия Д’Амико. – Но я искала эти туфли...

– Зачем тебе туфли в космосе? – не выдержал Тедди. – Ну зачем, Лючия?

– Я бы их надела на ужин с командиром. Девушкам разрешено выходить к торжественным ужинам в гражданском. Это улучшает психологический климат.

Тедди смерил Лючию негодующим взглядом. Она была самой старшей и действительно выглядела уже не девочкой, а девушкой – высокая, большеглазая, да еще и светловолосая, что для итальянок редкость. По мнению Тедди, лучшее применение этой внешности нашлось бы на Земле. Космос – он не для романтики или секса. Космос – для приключений.

– И в результате мы опоздали на перестыковку. И «Техас» ушел.

– За нами пошлют шлюпку, у них еще два часа до разгона, – примиряюще сказал Алекс. – Мегера их уговорит.

– Никто их не уговорит, – горько сказал Тедди. – За кадетами, которые опаздывают, шлюпок не посылают. Это непедагогично.

Повисло тягостное молчание.

Все пошло наперекосяк. Все! «Техас» отправили в рейс раньше – какую-то вакцину надо было срочно развезти по колониям. Они могли бы успеть, но в гражданском секторе космопорта Лючия увидела в витрине какие-то очень-очень-очень редкие туфли, за которыми гонялась всю прошлую неделю. Туфли! Тедди был готов орать и биться головой об стену. Зачем нужны туфли в космосе? И самое обидное, Мегера, то есть на самом деле – Анна Мегер, их куратор из колледжа, женщина суровая и несгибаемая, вдруг тоже дала слабину! Они вместе кинулись покупать туфли. Еще и мерять стали! А космопорт внезапно ушел в пятнадцатиминутный цикл перестыковки – отсеки переключались на резервное питание, перемещались относительно друг друга, конфигурировались для ведомых лишь дирекции задач. Оповещение на их коммуникаторы не пришло, они оказались заперты – и «Техас» не стал дожидаться

нерадивых кадетов. Вот он, висит в десяти километрах от космопорта. Рядом – и бесконечно далеко.

Кадеты стояли в помещении главного гермодока. В полностью развернутом состоянии гермодок был размером с мичиганский стадион, сейчас он был раскрыт максимум на четверть, но все равно казался немыслимо огромным. Рядом с доком был пристыкован какой-то мелкий научный корвет, судя по обилию трубопроводов и кабелей – в цикле предстартовой заправки. Персонала в доке почти не было – ремонтники возле старого челнока, в котором меняли маневровые двигатели, да два офицера на эстакаде, протянувшейся на высоте пятиэтажного дома. Офицеры что-то разглядывали в своих планшетах. Тедди смотрел на них с завистью.

– Какая фактура, – сказала Лючия. Она тоже заметила офицеров. – Тот, светловолосый, наверняка командир корабля. Такие красавчики должны быть главными на корабле. Если бы я попала на его корабль, он бы в меня влюбился.

– Если бы он в тебя влюбился, то вылетел бы из Космофлота с волчьим билетом, – веско ответил Алекс. – Во-первых, ты кадет. Во-вторых, несовершеннолетняя. В-третьих, влюбись лучше в меня, я не хуже.

Лючия насмешливо посмотрела на Алекса. В общем-то тот был прав. Он выглядел как младший брат подтянутого блондина в офицерской форме – такой же высокий, светловолосый, симпатичный. Но он был ровесником и сокурсником, с которым Лючия десять лет училась вместе, мылась в одной душевой и пила регенерированную воду на тренировках. Влюбиться в Алекса было все равно что влюбиться в брата.

– Получи корабль – я подумаю, – сказала девушка.

– Получу корабль – я еще сам подумаю, – немедленно ответил Алекс. – Потому что вокруг меня будут виться самые красивые девчонки со всего Космофлота.

Тедди посмотрел на друзей с ужасом. Как они могли вести эти идиотские разговоры, когда их практика сгорела, будто перерабатываемый мусор в атмосфере?

– Если мы останемся на Земле... – начал он. Но Алекс вдруг подтянулся, глядя через плечо Тедди и прошептал:

– Идет!

Анна Мегер, куратор кадетской школы, подошла к ним с таким невозмутимым видом, будто трое ее подопечных не попали в ужасающую, немыслимую, позорную ситуацию – причем и по ее вине! Тедди почувствовал, что готов завопить от возмущения.

– Успокоились? – миролюбиво спросила Мегер.

Алекс кивнул, Лючия что-то пробормотала, а Тедди, проклиная себя за слабование, по уставному отчеканил:

– Так точно!

– «Техас» за нами шлюпку не вышлет, – сказала Мегер. В голосе ее были легкое смущение и растерянность, отказ командира «Техаса» подобрать на борт кадетов Мегер, похоже, удивил. – Но это не значит, что вам удастся отвертеться от практики! Следуйте за мной.

Тедди с облегчением выдохнул.

* * *

Яна демобилизовали, точнее – просто вместе с другими призванными разрешили идти домой. Вместе с дивизионом «Громов» он доехал до ближайшего крупного города, где попрощался с бойцами и покинул поезд. Монорельс двинулся к столице, а Ян, постояв у вокзала и пожевав сечку, отправился на поиски еды, работы и ночлега. Город был ничуть не хуже того, где он раньше жил, да и старое рабочее место было уже занято, и Ян решил не возвращаться.

Война не началась, но мир, осененный Крылами, стал другим. Казалось, что большинство прекратили работать. По улицам ходили ошарашенные люди, сбивались в случайные кучки,

начинавшие жаркие дебаты, чтобы через несколько минут вновь разбрестись в разные стороны. На площадях, на вечно пустовавших трибунах Высокой Речи, теперь были толпы слушателей и очереди философов и проповедников, стремящихся обсудить случившееся и сообщить всем свое мнение. Весна вступила в свои права, снег сошел, казалось, что природа вместе с людьми радовалась несостоявшейся войне. Пока еще было прохладно, небо хмурилось, часто накрапывал дождик, но это никого не смущало.

Ян встал рядом с приглянувшейся ему таверной, где на деревянной табуретке сидел мальчишка-чистильщик. Бросил мелкую монетку, мальчишка принялся энергично орудовать щетками. Ян стоял, с удовольствием ощущая частый гребень, проходящийся по шерсти, и слушал очередного выступающего. Это был седой старикашка с комично полысевшими от возраста и скитаний ногами. Вначале старичок с энтузиазмом описывал восторг блаженного Эвслана, при котором Ангел впервые распростер над Соргосом крылья. Говорил старичок так цветисто и с такой массой подробностей, будто сам при этом присутствовал, что, конечно же, было невозможно. Толпа внимала, заслушался и Ян. Мальчишка-чистильщик сменил частый гребень на мелкий, потом, не задавая вопросов, стал натирать шерсть на ноге восковой мазью. Ян решил, что даст пареньку еще одну монетку. Тот явно покинул младшую семью лишь недавно и еще не прибил к средней, нелегко ему приходится. Да и черные волосы у мальчишки предательски рыжели у корней – паренек был рыжий, смешанных кровей, таким сейчас нелегко. Во время войны мальчишка красился, а сейчас перестал. Зря, пожалуй. Сколько бы ни говорили власти, что деление пролегает между государствами, а не между черно- и рыжеволосыми, предрассудки у толпы оставались.

Старичок, вначале овладевший вниманием аудитории, выдохся и принялся нести какой-то вздор. Он внезапно заявил, что Крыла могут быть явлением не трансцендентным и теологическим, а неизвестным природным феноменом наподобие северного сияния, а то и следствием каких-либо научных экспериментов. Если вначале Ян принял старичка за странствующего монаха, то теперь стало понятно, что это бродячий философ.

– Чушь, – сказал Ян. – Природный феномен, который трижды останавливал войны. Очень разумный феномен!

– Так войны всегда есть, – неожиданно сказал чистильщик ломающимся голосом. – Война никогда не кончается.

Ян усмехнулся. Право средней семьи – дерзить старшим. Он поставил перед мальчишкой вторую ногу. Старичка уже согнали с трибуны, вместо него вышел молодой священник, принятый публикой с восторженными криками. Видимо, не в первый раз выступает.

Эта речь была поинтереснее, но она встревожила Яна. Священник поставил под сомнение то, что Крыла действительно призывали прекратить военные действия. Ссылаясь на ряд толкований, он очень осторожно предположил, что Ангел, напротив, призывал к войне до победного конца, которая и положит конец всем последующим войнам.

– Готово, дяденька, – сказал чистильщик.

Ян бросил ему еще монетку, поменьше, и посоветовал:

– Быстрее найди себе среднюю семью, парень. Времена смутные, одному тяжело.

Парнишка кивнул. Спросил:

– Не хотите чехлы на ноги? В городах грязно, многие носят. Даже бургомистр надевает.

Ян поморщился, глядя на пластиковые корытца с завязками, которые мальчуган предложил ему закрепить на ногах. Прогресс прогрессом, но у всего должны быть границы!

– Нет, парень, спасибо. Это не по моей части.

С чистыми и навощенными ногами, чувствуя себя гораздо лучше, Ян вошел в таверну. Большая часть людей стояла у буфетной стойки, по-быстрому перекусывая силосом из общей чаши. Но после двух месяцев в войсках Яну хотелось комфорта. Он сел за отдельный столик, полистал меню и заказал рубленых овощей в личиночьем креме.

– Солдат, как думаешь, войны больше не будет?

Ян посмотрел на женщину, подсевшую за его столик. Аристократическая грива длинных белых волос. Вряд ли, конечно, женщина высокого происхождения. Обесцвечиваться «под знать» последнее время полюбили пацифисты, демонстрируя презрение к древнему племенному делению. Чуть раскосые глаза, вызывающе выставленные напоказ непроколотые уши. Бессемейная, хотя давно бы пора войти в материнскую семью. Ян встречал таких бунтарок, они всегда казались ему привлекательными, но он ни разу не решился познакомиться и первым завязать разговор.

– Я думаю, будет, – сказал он. – Все-таки будет. Хочешь рубленые овощи?

– Не могу отказать мужчине, который даже в такую погоду ходит с чистыми ногами, – усмехнулась женщина. – Буду, солдат.

* * *

«Твен» внешне был стандартным корветом, на беглый взгляд не отличимым от «Енисея», корвета класса «Эй-би». Ничего удивительного в этом не было, корпус в серии «Эй-си» использовался тот же самый: титановый каркас, покрытый керамической броней, сигара длиной более ста семидесяти метров и диаметром около двадцати пяти. В герметичный док его заводить не стали: процедура эта была сложная и крайне редко необходимая. Сейчас «Твен» висел рядом с космопортом, пришвартованный в трех точках и соединенный со станцией двумя шлюзами и заправочными рукавами.

– Они пушку добавили! – с неожиданным энтузиазмом сказал Матиас. – Гляди, два порта на виду! Мы теперь трехпушечные!

Валентин, мысленно порадовавшись этому «мы», спросил:

– Хочешь повоевать?

– Да было бы с кем, – поскутнел Матиас. – Так что там еще наворотили...

Они стояли на эстакаде, тянувшейся над главным гермодокком. Отсюда был самый лучший реальный вид на корабль – по традиции гигантские створки главного шлюза делались из прозрачной керамики. В самом шлюзе было пустынно, только возле полуразобранного челнока возились с десятков ремонтников, за которыми, раскрыв рты, наблюдали какие-то салаги в форме хьюстонского космоколледжа. До командира и старпома, пришедших поглазеть на свой новый корабль, никому дела не было.

Матиас порылся в планшете, выводя и укрупняя отдельные чертежи. Валентин попытался заглянуть через плечо другу, но на схемах стоял гриф секретности, и экран был поляризован строго под взгляд хозяина. Валентину пришлось достать свой и включить схемы корабля.

– Вроде как ничего принципиально нового, – пробормотал тем временем Матиас. – Три пушки вместо двух, четыре бота вместо трех... Двигатели те же! Только экипаж сократили. Корабль с довеском?

– Нет. – Валентин покачал головой. – Весь экипаж набираем сами.

– Заводские?

– Войдем на борт – сдатчики сразу отчалят. Претензий к кораблю никаких нет. Матиас нахмурился.

– Ну прям такая красота, что и не бывает...

Он вывел на планшет штатное расписание, Валентин сделал то же самое.

– Оружейник. Здесь всего один. Гюнтер или Роланд?

– Гюнтер.

– Почему он? – невинно поинтересовался Матиас.

– Немец-оружейник – это достояние корабля.

– Я тоже немец, – обиделся Матиас. – И тоже люблю пушки.

– Но ты не оружейник.

– Ладно, его уговорю, – кивнул Матиас. – Лишняя пушка, щиты посильнее, Гюнтеру понравится... Но все-таки почему не Роланд?

– Потому что Роланд больше занят своей внешностью, чем кораблем.

Матиас покачал головой.

– Все-таки, Валя, вы, русские, сплошь гомофобы.

– А вот и нет, – возмутился Валентин. – Если верить старым записям в соцсетях, то большую часть истории у нас в правоохранительные органы, в руководство спортивных команд и даже во власть набирали исключительно геев. Ты почитай!

Матиас посмотрел на Валентина с подозрением, но на лице командира не было ни тени улыбки.

– Ну... если в самом деле так... – с сомнением сказал он. – В то время это имело определенный смысл, особенно во власти. Меньше протекционизма к отпрыскам... Это как на Востоке, где визирями назначали евнухов... Но я этого не знал. Извини за шутку.

Валентин махнул рукой.

– Гюнтер, – отметил у себя в планшете Матиас. – Так... Ну, командир и старпом – понятно... Врач?

– Уговоришь Льва?

Матиас крикнул:

– Попробую... ну, допустим, попробую, но ему же два года до отставки, в этом возрасте менять корабли не любят...

– Вот и походит напоследок на новом корвете с небольшой командой. Синекура!

– Логично. – Матиас сделал пометку. – Переходим к более серьезным вопросам. Мастер-пилот. Александр?

Валентин покачал головой.

– Согласен, пусть Александр работает на «Енисее», – легко согласился Матиас. – Сколько у нас времени на поиск?

– Через два дня вылет.

Вот теперь старпом опустил планшет и с подозрением уставился на командира.

– Ты серьезно? Вот так с места в карьер?

Валентин кивнул.

Матиас оглянулся и, понизив голос, спросил:

– Какое-то особое задание? Спешное?

Врать Валентин не любил, но и ответить честно не мог.

– Знаешь, мне кажется, меня хотят побыстрее услатить от Земли. Чтобы не попал под горячую руку ревнителям Соглашения.

– Похоже на истину, – успокоился Матиас. – Но жалко. Значит, права привлекать лучших специалистов у тебя нет.

– Нет, – кивнул Валентин.

Это он уже проверил. Никаких особых полномочий ему действительно не дали, и причины были ему понятны.

– Тогда пошли на рынок, – со вздохом сказал Матиас.

Они одновременно открыли флотскую базу временно выведенных за штат офицеров. Первым вздохнул Матиас. Вторым Валентин.

Хорошие пилоты на Земле не засиживаются. За ними охотятся, их обхаживают, к ним подбирают всевозможные ключики. Матиас клялся, что на одной его знакомой, талантливом мастер-пилоте, амбициозный командир женился – и не по любви, а чтобы добиться перевода на свой корабль.

Так что в списке, появившемся на экране, было три десятка фамилий – и все они принадлежали новичкам, едва отбывшим практику и сменившим курсантские нашивки на офицерские погоны. Разумеется, никто из них не мог блистать талантами, за перспективными курсантами охотились еще с академии.

– Печалька, – сказал Матиас. – Может, все-таки...

– Александр хороший пилот, но у меня с ним не сложились отношения, – отрезал Валентин. – Я предпочту взять амбициозного салагу.

– Предпочти. – Матиас демонстративно опустил планшет. – Твой выбор, командир.

Валентин напряженно уставился в список. Конечно, плохих пилотов тут не было и быть не могло. Плохие не получили бы звание мастер-пилота. Может быть, кто-то из них со временем даже блеснет способностями.

Со временем – вот в чем вся проблема.

– Подбираете экипаж, командир?

Валентин вскинул голову. Высокая темнокожая женщина с коротко стриженными волосами приветливо улыбалась ему. Она была одета в черно-серебристую форму хьюстонского космоколледжа, но на рукаве был шеврон действующего состава Космофлота. За женщиной стояли трое подростков в такой же форме, с кадетскими нашивками. Один – совсем еще мальчишка, невысокий, но коренастый, другой парень постарше и ростом с Валентина, третья – симпатичная светловолосая девушка. Разумеется, все, включая девушку, были коротко стрижены. Стояли подростки по стойке «смирно», демонстрируя бравую выправку, в руках держали стандартные боксы для вещей. Единственное, что портило впечатление, – пакеты из дьюти-фри. У мальчишек в пакетах были какие-то сладости, у девушки, похоже, туфли в дорогой картонной коробке.

– Совершенно верно... – Валентин всмотрелся в шеврон женщины. «Ах ты ж, копать-колотить...» – Совершенно верно, капитан первого ранга.

– Анна Мегер. – Женщина протянула ладонь для рукопожатия, переводя разговор в неформальный.

– Валентин Горчаков. – Он пожал ей руку и еще раз всмотрелся в лицо. – Простите, вы Анна Мегер с «Афины»?

Женщина кивнула.

– Очень приятно познакомиться, – искренне сказал Валентин. – Наслышан.

– Дело давнее. – Мегер с любопытством изучала его. – А вы командир этого корвета?

– Технически – еще нет. – Валентин позволил себе улыбнуться. – Еще не вступал на борт. Мегер кивнула.

– Поздравляю. Это хорошая серия. Алекс?

Паренек постарше вскинул голову и выпалил:

– Корветы серии «Эй-си», результат глубокой модернизации серии «Эй-би». Строятся на околорунных верфях США. В строю четыре модели, названные в честь величайших писателей – «Хайнлайн», «Хемингуэй», «Твен» и «Брэдбери». Строятся «Кинг» и «Харпер Ли». Перечислите основные отличия от серии «Эй-би»?

– Вольно, кадет, – сказал Валентин. – Молодец. Экскурсия для лучших учеников, мисс Мегер?

– Можно сказать и так. – Мегер вздохнула. – Вообще-то мы должны были смотреть на ваш корабль с другого борта. Вон оттуда...

– С «Техаса»? – Валентин проследил ее жест. – Он отстыковался почти час назад.

– Мы опоздали, – пояснила Мегер.

За спиной Валентина Матиас едва слышно прошептал:

– У меня появилось нехорошее предчувствие...

Мегер улыбнулась. И от этой улыбки, несмотря на все ее дружелюбие, Валентину стало нехорошо.

– Командир «Техаса» отказался выслать за нами шлюпку, – продолжала Мегер. – Он сказал, что при всем уважении к славной истории хьюстонского космоколледжа послать шлюпку за опоздавшими кадетами не сможет, поскольку занят мытьем палубы и чисткой гальюна.

– С пониманием, – кивнул Валентин. – Я могу чем-то вам помочь?

– Вы укомплектовали экипаж?

– Частично.

– Кто еще вам нужен, командир?

Матиас начал что-то мурлыкать себе под нос. Валентин с содроганием узнал старинную русскую песню про крейсер «Варяг», которую Матиас ценил как проявление загадочной славянской души, превращающей поражение в победу.

– Пока у нас есть старший помощник, врач и оружейник. И командир, конечно же.

– Значит, не хватает еще четверых, – вкрадчиво сказала Мегер. – Вам нужны мастер-пилот, навигатор, системщик и кок.

– Специалист по системам жизнеобеспечения, – поправил Валентин.

– Пусть будет так. – Мегер посмотрела на свою команду. – Лючия! В системах жизнеобеспечения она хороша. А кок – просто гениальный. Вы же понимаете – итальянская кухня! Алекс – прирожденный навигатор.

– Я модифицирован генетически, – с готовностью сообщил высокий юноша.

– Ну а Тедди – системщик, – закончила Мегер. – Очень хороший. Лучший.

– Они дети, – сказал Валентин.

– Неверно. Они кадеты. Они имеют право занимать места по штатному расписанию любого корабля в штатном полете.

– У нас... – Валентин замялся.

– Нештатный полет?

– Нет, обычная миссия по доставке научной группы в систему Невар. Но у нас очень маленький экипаж.

– Я знаю. Допускается замещение курсантами и кадетами до сорока процентов должностей по штатному расписанию.

Валентин покачал головой.

– Вам же нужен мастер-пилот? – вкрадчиво спросила женщина.

– Мисс Мегер, я знаю вашу репутацию и не пожелал бы другого пилота, – искренне сказал Валентин. – Но у нас маленький экипаж...

– Могу я попросить вас на два слова, капитан второго ранга? – спросила Мегер.

Валентин молча отошел вместе с ней. Матиас остался, вежливо заговорив с кадетами. Юная Лючия, похоже, отважно с ним кокетничала.

– Командир, я бы не хотела апеллировать к высшим инстанциям, – сказала Мегер. – Черт... я буду с вами откровенна. В опоздании виновата я.

Валентин вопросительно посмотрел на нее.

– У меня репутация суровой наставницы. Я работала с психологом, она посоветовала проявить заинтересованность в жизни ребят, чтобы наладить эмоциональный контакт перед совместным полетом. Я попыталась, и в результате мы опоздали. Если нам придется задержаться на станции или вернуться на Землю – история всплывет, и я буду выглядеть очень нелепо. Но если мы улетим сейчас, то все более-менее уладится.

– Мисс Мегер, вы уверены в своих детишках? – спросил Валентин.

– Профессионально они готовы к выполнению своих обязанностей. Эмоционально... ну нет, конечно же. Они же дети.

– Честно, – кивнул Валентин.

– Но я буду руководить железной рукой.

Валентин еще раз покосился на троицу отроков. Генетически модифицированный навигатор – это действительно хорошо. Честно говоря, они все были моложе двадцати лет, раньше биоконструирование в этой области не применялось. Жизнеобеспечение... скажем прямо, на новом, но уже серийном корабле проблем с этим не будет. Если откровенно, то основная функция «жизнедела» – улучшать психологический климат на корабле. Красивая девушка, но при этом слишком юная, чтобы за ней начали всерьез ухаживать, – это великолепный кандидат. Вот мальчик-системщик внушал сомнения, он был самым юным, похоже, ему от силы шестнадцать. Но для того, чтобы работать с искусственным интеллектом корабля, надо иметь очень своеобразный склад мышления. Подростковой дури там места нет, там своя дурь, нечеловеческая.

Наверное.

– В каком возрасте вы отправились в первый учебный полет? – спросила Мегер.

– Восемнадцать. Нет, восемнадцать с половиной. Но я был курсант, а не кадет, и это был учебный корабль, рейс длился всего месяц... – Валентин посмотрел Анне в глаза. – Если бы не вы! Мне нужен мастер-пилот. Хороший.

– Я просто лучшая, – без тени улыбки ответила Мегер.

– Еще один момент, – сказал Валентин, помедлив.

– Субординация, – кивнула Мегер. – Понимаю. Вы командир. Вы второй после Бога на корабле, а поскольку я атеист – вы первый. Звание на это не влияет.

Она помедлила и добавила:

– Но если вам потребуется какая-то помощь при подготовке корабля – я могу поговорить с командующим портом. Мы вместе были на «Гепарде».

Мысленно Валентин отметил, что это был очень деликатный способ намекнуть, что на корабль американские кадеты попадут в любом случае.

Глава третья

Примерно в полумиллионе километров над плоскостью эклиптики, на расстоянии астрономической единицы от Солнца, восемьдесят кубических метров пустоты на один хронон стали еще более пустыми.

Фотон, полторы тысячи лет назад испущенный звездой Денеб и имевший несчастье оказаться именно в этой точке пространства, перестал существовать – исчез из реальности в настоящем, будущем и прошлом. Собственно говоря, начиная с этого хронона времени фотона вообще никогда не существовало во Вселенной, он стал гипотетическим фотоном, и все, на что он мог повлиять, претерпело определенные изменения. К счастью, это был очень одинокий фотон, чей путь длиной в полторы тысячи лет никогда, никак и ни на что не повлиял.

А в следующий хронон абсолютная пустота объемом около восьмидесяти кубических метров стала космическим кораблем. Металлическое веретено несколько секунд висело неподвижно относительно центра Галактики, смещаясь сквозь Солнечную систему со скоростью двухсот восемнадцати километров в секунду.

Потом концы веретена засветились призрачным синим светом, и корабль начал стабилизироваться. Вначале – относительно Солнца. Потом, по мере оценки сенсорами ситуации, – относительно Земли.

В центре металлического веретена, в узкой темной камере, наполненной горячей вязкой жидкостью, женщина открыла глаза.

Она знала, что будет человеком, женщиной, возраст ее будет соответствовать двадцати одному земному году, а внешность будет приятна для человеческой расы и не вызовет отторжения у остальных членов Соглашения.

Но куда важнее и удивительнее был тот факт, что она являлась Третьей-вовне.

Она попыталась вдохнуть – человеческие инстинкты требовали воздуха, но разум вовремя остановил ее. Люди не умели дышать водой. Полминуты она ждала, пока формирующий гель всасывался в стены камеры. С кожи он отлипал с мягким чмокающим звуком – она впервые услышала звук, и он показался ей восхитительным. Люди имели пять базовых чувств, в то время как Ракс – шесть, но удивительнее всего было то, что ни одно чувство у них не совпадало.

Звук был первым, что она ощутила.

Звук стекающего геля.

Звук машин, работающих за стенками камеры.

Звук собственного сердца, бьющегося в груди.

Потом пришло осознание того, что еще одно чувство было раньше – осязание. Стекающий с тела гель щекотал кожу. Она протянула руку – упершись в стенку камеры – и ощутила твердую теплую поверхность. Микроскопические поры, втягивающие гель, слегка присасывали палец.

Ощущение было приятным.

В темноте, наполненной звуком, она глубоко вдохнула – и закашлялась. Воздух был холодным и резко пах химией. Запах был не знаком, как и само ощущение запаха, она понимала лишь концепцию. Но что-то неприятное и опасное стояло за запахом. Больница. Анестезия. Антисептика. Смерть.

Чтобы успокоиться, ей пришлось повторить себе несколько раз, что она вообще не обязана умирать.

Запах остался, но ощущение притупилось, стало менее острым. Она приоткрыла рот. Облизнула губы. И новое чувство ворвалось в нее – вкус. Резкий, солоновато-горький. С лег-

кой ноткой гниlostности. И неестественной сладостью, возникающей в самом конце и вызывающей онемение языка.

Она несколько раз сплюнула и решила, что из всех чувств вкус – самое информативное, но при этом самое омерзительное. Можно было бы обойтись без него. Но она – Третья-вовне и вторая в прямом ходе времени, кто будет напрямую контактировать с людьми. Ей нужно соответствовать стандартам Человечества.

Она справится.

Некоторое время она прислушивалась к разности температур – теплый гель почти весь стек, а воздух был прохладен. Можно ли считать температурную чувствительность пятым чувством? Нет, наверное, это все-таки элемент осязания.

Осязание действительно было самым приятным из человеческих чувств.

Она вновь провела рукой по стенкам камеры. Сняла с кожи каплю геля и растерла между пальцами. Ощупала волосы – очень необычно! Коснулась лица, но прикосновение к глазам было болезненным, и она отдернула руку. Обследовала тело, задержавшись на сосках – они имели другую фактуру, и прикосновение к ним было... было тревожно и непонятно. Она ощупала вульву, ягодицы, пальцем исследовала сфинктер. Прикосновения к ним отзывались новыми всплесками ощущений. Эта была область сексуальных контактов, она знала, что может получить первый опыт и самостоятельно, но решила не спешить. Надо было разобраться с чувствами до конца. Оставалось пятое...

Свет!

Мягкое свечение перед глазами показалось ей ослепительной вспышкой. Она зажмурилась, закрыла лицо ладонями, потом осторожно развела пальцы и приподняла веки. Круглый экран перед глазами казался отверстием в борту корабля. Она прижала ладони к экрану и огорчилась преграде. Маленький диск местной звезды – Солнца, два маленьких диска – Земля и ее спутник Луна.

Она огорчилась тому, что зрение на таком расстоянии не способно передать объем. Воспринимать пространство гораздо лучше комплексно.

Но она должна была пользоваться тем, что имеют люди.

С этого расстояния Земля казалась очень маленькой и очень одинокой. Серая точка естественного спутника лишь подчеркивала это одиночество, как обручальное кольцо на левой руке подчеркивает одиночество вдовца.

Она поймала себя на этой странной мысли и некоторое время разбиралась с ней. Это начали работать те части мозга, что отвечают за ассоциации, аллюзии и аллегории. За тропы и фигуры. За поэтическое восприятие действительности. За общение.

За слова.

Огромные, будто горы, гиперболы и крошечная, как песчинка, литота.

Парцелляция! Ерунда! Интонационное расчленение. Но как работает!

Плеоназм. Повторное дублирование. Излишнее, избыточное.

Инверсия. Слов порядка переставление...

Знание оживало в ней, слова и фразы выстраивались в ряды и колонны, цеплялись друг за друга, выворачивались наизнанку и взрывались в мозге новыми смыслами.

– Я могу говорить... – прошептала она и впервые услышала собственный голос.

– ты ощущаешь себя правильно

Голос, который она слышала, был лишен интонаций. Это был и вопрос, и утверждение. Или не вопрос, и не утверждение.

– Да... – она запнулась. – Да, мать.

– мать это неожиданный термин

– Я не нашла другого.

– ты можешь использовать этот

Пауза.

– чего ты хочешь

– Коснуться этой планеты, – прошептала она, глядя на экран.

– это невозможно ни в каком смысле

– Я знаю.

– то где будет ракс станет ракс

– Я знаю. Это только желание, не намерение.

– интересная дихотомия

– Человеческое сознание крайне запутанно, – признала она.

– это будет хороший опыт третья-вовне

– Я готова. Но меня тревожит ситуация.

– что вызывает тревогу третья-вовне

– То, что я – Третья. Мы редко позволяем трем Ракс находиться вовне. Это... это опасно как... как...

– как четвертый на ракс

– Да.

– это происходило ранее

– Я не знала.

– информация закрыта но это происходило

– Были ли опасные последствия?

– нет только потенциал опасности

– Хорошо. Я... я стала спокойнее.

– приступай к миссии наблюдай изучай сотрудничай

– Могу ли я спросить?

– это странный вопрос разумеется ты можешь

– Насколько обоснованна тревога людей?

Пауза. Тишина. Пространство рвется и восстанавливается, пульсирует в ожидании сигнала, но сигнала все нет.

– Мать?

– решение принято два против одного значит есть вероятность опасности

– Но цивилизации почти всегда гибнут, не достигая пятого уровня!

– последовательность внушает тревогу

– Я поняла, мать. – Она кивнула.

– для человечества характерны сомнения и это то что мы считаем достоинством

– Я выполню свою миссию с достоинством и старанием.

– мы будем ждать твоего возвращения

Пауза.

– корабль подвергнется деструкции после твоей высадки в орбитальном порте людей

– Хорошо.

– мы рассчитываем на успешную работу и ожидаем тебя с любовью

Сеанс связи заканчивался. Но у нее еще оставались вопросы.

Вопрос.

– Мать, мне нужно имя среди людей!

– они могут называть тебя любым именем

– Это право и обязанность матери, дать имя.

Пауза.

Она задумалась, вправе ли была так говорить. И понятен ли смысл ее слов Второй-на-Ракс.

– твое имя для людей чужая.

– Спасибо, мать. Я – Чужая...

Слова замерцали в ней, складываясь, перетекая одно в другое.

– Я Алина или Ксения?

– что это значит

– Оба имени значат «чужая» на древних языках Земли. Имена людей не переводятся. Я могу быть Алиной или Ксенией, все это значит «чужая».

– решать тебе ракс всегда ракс

– Ракс всегда Ракс, мать.

Вот теперь связь окончательно прервалась.

Чужая смотрела на экран. Крошечный диск Земли, на которую ей не суждено никогда ступить, приближался.

Воздух в камере стал теплее и чуть более затхлым. Система жизнеобеспечения на прыжковом корабле присутствовала чисто номинально. Но женщину это не беспокоило. Ее организм должен выдержать перелет.

Она справится.

Она Ракс. И она – Третья-вовне.

* * *

Лючия бросила чемоданчик и пакет на койку, огляделась.

Каюта была просто потрясающая! Три на четыре метра, есть где разгуляться. При таких размерах и койку не обязательно убирать в стену. Есть и стол, и два кресла, и маленький диванчик. За сдвижной дверью – индивидуальная душевая кабина и галюн.

Даже на «Техасе», куда они не успели, курсанты должны были жить по двое. А здесь, на куда более мелком «Твене», в силу малочисленности команды почти все члены экипажа имели собственные каюты. Конечно, с апартаментами командира лучше не сравнивать, но собственная каюта! Роскошь.

Лючия присела на койку. Вдохнула, глядя на коробку с туфлями.

Будет ли глупостью надеть их сегодня к традиционному «ужину знакомств» на корабле?

– Даже не вздумай, – будто прочитав ее мысли, сказала Мегер, входя в каюту. – Лучше спрячь подальше.

Лючия кивнула и убрала пакет. Мальчишки перед Мегер вытягивались по струнке, она же относилась спокойнее. Мегер напоминала ей бабушку – такую же внешне строгую, командующую всей огромной семьей, но при этом на самом-то деле мягкую будто воск. Может быть, это был самообман, но Лючии казалось, что Мегер на самом деле просто изображает из себя мегеру, чтобы ребята не распускались.

– Спрячу, – согласилась Лючия.

– Встать, кадет! – рявкнула Мегер. – Как разговариваешь со старшим?

Лючия вскочила. Но все-таки не удержалась от реплики:

– При всем уважении, мэм. Вы вошли без разрешения и не отдали команды. Я считала, что разговор неформальный, мэм. При всем уважении.

Мегер несколько мгновений буравила ее взглядом. Потом сказала:

– Вот что вы все досконально знаете – так это свои права. А как насчет обязанностей? Что делает офицер систем жизнедеятельности при входе на борт?

У Лючии запылало лицо.

– Виновата, мэм.

– Через три месяца либо вы все будете готовы к дальнейшему обучению и я лично подпишу документы о зачислении вас сразу на третий курс училища... – Мегер помолчала. – Либо

я лично отчислю вас с позором. И о космосе можете забыть, даже о ближнем. У нас нестандартная ситуация. Мы на европейском корабле...

На лице Люции что-то отразилось, потому что Мегер пояснила:

– То, что он сделан на наших верфях, ситуацию не меняет. Корабль европейского агентства, командир и часть экипажа русские. Это вопрос престижа. Сейчас не двадцать первый век, человечество едино, но Америка служила и должна служить примером. Вы должны быть лучшими среди равных.

– Будем, – заверила ее Люция.

– Еще один вопрос. – Мегер запнулась. – Я вижу, тебе понравился старший помощник.

– Он... обаятельный, – осторожно сказала Люция.

– Красавчик, – согласилась Мегер. – Но ты прекрасно понимаешь, что если романтические отношения между членами экипажа просто не рекомендуются, то между офицерским составом и курсантами или кадетами они строжайше запрещены.

– Я уверена, что Матиас это знает, – согласилась Люция.

– Несомненно. Но он мужчина, и если ты продолжишь так с ним кокетничать, то он начнет дурить. Нам не нужен старпом с проблемами в отношениях. Поверь, я на такие ситуации насмотрелась.

Люция кивнула. По ее мнению, она совсем не кокетничала со старпомом. Ну, почти совсем. Улыбнулась пару раз, заглянула в глаза и опустила взгляд...

– Он пойдет под трибунал, а ты получишь отметку «психологическая незрелость», – жестко добавила Мегер. – Надеюсь, мы закрыли эту тему.

– Разрешите отправиться на пункт жизнеобеспечения? – спросила Люция.

– Разрешаю. А потом озаботьтесь ужином для экипажа.

Люция вздохнула.

– Есть одна проблема, мэм. Я не умею готовить. Совершенно.

– Все итальянцы великолепные повара, – буравя ее взглядом, произнесла Мегер.

– Стереотип. К тому же я родилась и выросла в Нью-Йорке. Родители всегда покупали готовые обеды.

Мегер кивнула, признавая ее правоту. И спросила:

– Кстати, ты не в курсе, Тедди действительно такой хороший системщик?

* * *

К сорока восьми годам Бэзил Годфри Николсон исколесил всю Землю. Окончив Эдинбургский университет, он успел поработать в Лондоне, Кэмбридже, Оксфорде, Пекине, Москве, Ватикане, Дели, Канберре и еще полутора десятках крупных научных и учебных центрах. Если говорить проще, то в каждом университете он преподавал и работал по одному учебному году.

Причина была вовсе не в том, что Бэзил был плохим специалистом, отличался скверным характером или не умел ладить со студентами. Во всех возможных табелях о рангах он считался лучшим и, по сути, единственным специалистом в своей сфере. Его жизнерадостный и доброжелательный характер отмечали все, кому доводилось с ним работать. Студенты с удовольствием посещали лекции, поскольку он был замечательным докладчиком и умел подать свой материал доходчиво и ясно.

Проблема была в том, что область исследований Бэзила была слишком уж узкой. «Особенности развития дуальных цивилизаций Галактики» – звучит прекрасно, но среди тысяч миров, о которых было известно цивилизациям Соглашения, подобный мир был один – Невар.

Разум – не редкость во Вселенной. Он куда более частый гость, чем думали ученые в двадцать первом веке. Но именно гость. Большинство цивилизаций уничтожают себя в процессе

развития, иногда – начисто, иногда – деградируя и начиная долгий путь к новому самоуничтожению.

Что уж говорить о ситуациях, когда на одной планете или в одной звездной системе развились две разные культуры! Древняя книга Герберта Уэллса «Война миров» (Николсон любил ссылаться на нее во вводной лекции) описывала ситуацию очень правдоподобно – одна раса неизбежно приходила к мысли о необходимости уничтожения другой. Чаще всего это объявлялось самозащитой, хотя на практике все сводилось к прилету космических кораблей на планеты, чья цивилизация находилась в лучшем случае в эпохе пара, и безжалостному уничтожению с использованием ядерного или биологического оружия. В одном случае, впрочем, менее развитая цивилизация ухитрилась захватить космический корабль соседей и, разогнавшись, нанести такой убийственный кинетический удар по планете, что остатки агрессивной цивилизации были отброшены в варварство... а через сотню лет окончательно добыты своими несостоявшимися жертвами.

Если же две разумные культуры развивались вместе на одной планете, то уничтожение слабейшей происходило еще в каменном веке. Как, кстати, случилось и на Земле – с неандертальцами. Им, впрочем, еще повезло. Они могли скрещиваться с людьми и не все были съедены, а в небольшом количестве ассимилированы. У всех европейцев и азиатов есть два-три процента генов неандертальцев.

Разум на определенном этапе развития очень жесток.

Так что Невар, где развившаяся на двух соседних планетах разумная жизнь не стала уничтожать друг друга, а принялась сотрудничать и вместе осваивать космос, был явлением уникальным. К моменту полета Гагарина неварцы-гуманоиды и неварцы-кошачьи уже всюду летали друг к другу и совместно осваивали третью планету (в дальнейшем ее прибрали к лапам кисты, но даже это произошло мирно). Пожалуй, если бы не уникальное количество пригодных для жизни планет в одной системе – целых пять, дуальная цивилизация Невара отправилась бы к звездам раньше человечества и сама стала бы шестым членом Соглашения.

Но все сложилось так, как сложилось. В Соглашение вошли люди, и теперь Бэзил Николсон изучал особенности их культуры, а не какая-нибудь остроухая киста изучала историю Человечества.

Однако одно дело изучать разумную жизнь, которая еще не вышла в космос и не способна обнаружить научные зонды и станции. Совсем другое – изучать цивилизацию, которая шныряет по своей звездной системе и строит первый межзвездный корабль. В системе Невар была лишь одна наблюдательная станция, принадлежащая Ракс – именно в их зону протектората входил Невар. Разумеется, попасть на эту станцию Бэзилу не светило ни при каких обстоятельствах.

В течение учебного года Бэзил знакомил всех желающих с историей удивительной миролюбивой культуры Невара, после чего тема оказывалась вычерпана до дна. Бэзил собирал вещи и переезжал в другой университет. Образ жизни вполне удобный и даже интересный, когда тебе тридцать лет, и не слишком воодушевляющий, когда близится пятьдесят.

А еще Бэзил никогда не бывал в космосе. Он мог бы позволить себе туристический тур в орбитальные города или в лунные поселения, но искренне считал это профанацией. Уж если он не может полететь к объекту своих исследований – то какой смысл высовываться за пределы атмосферы.

Так что поступившее вчера предложение буквально перевернуло всю жизнь Николсона. Первые пять минут он пытался поверить в то, что говорил с экрана видефона какой-то европейский чиновник, судя по акценту – русский. Николсон был в Бразилии, в Институте Соглашения Рио-де-Жанейро, и связь, проходя через спутник, ощутимо тормозила. Безумие, если разобраться! Люди летают к другим звездам, а разговор через океан идет с задержкой!

Но уж поверив, Николсон не колебался. Такие предложения бывают лишь раз в жизни.

Следующие два часа Бэзил честно пытался разорвать контракт и уволиться. Вытащенный из постели ректор упорно отказывался понимать, что происходит, и предлагал встретиться в понедельник (была ночь с пятницы на субботу). Ректор явно провел веселый вечер в хорошей компании и не был готов в три часа ночи подписывать расторжение контракта.

В итоге Бэзил плюнул на формальности и неизбежные штрафные санкции. Утро застало его над Атлантикой – он летел в Лондон. И лишь в обед, принимая из рук стюардессы бокал вина, он внезапно понял, что представляет собой классический пример ученого чудака из старых книжек.

Ну зачем, зачем ему было лететь в Лондон, а потом ехать в Уэльс, где расположен единственный британский космопорт?

Космосити, куда ему надо прибыть, в общем-то летает вокруг Земли. Он мог полететь из бразильской Алкантары. Мог добраться до Соединенных Штатов – это тоже было бы ближе, да и рейсы там чаще.

Теперь Бэзилу стало понятно, почему чиновник так удивленно посмотрел на него, когда Бэзил попросил заказать билет из Лланбедра.

Но теперь все было позади – и нелепый, ненужный перелет, и старт в маленьком челноке (в компании галдящих туристов и скучающих работяг, отправляющихся на долгие орбитальные вахты).

Через двадцать часов после звонка европейского чиновника Бэзил стоял в обзорном зале Космосити и впервые смотрел на Землю с высоты почти полутора тысяч километров. Зрелище было величественным, а учитывая прозрачный пол обзорного зала, – даже жутковатым. Туристы примолкли, но не до конца. Тихонько вскрикивала, сама этого не замечая, немолодая негритянка – то ступающая на прозрачный пол, то испуганно отшатывающаяся на непрозрачные «островки спокойствия» и утягивающая с собой за руку более отважного мужа, повизгивали дети, ползающие по полу и размахивающие руками – «обнимая Землю», как им предложила экскурсовод. Группа азиатских туристов непрерывно снимала планету под ногами. В какой-то момент один из туристов опознал в разрывах облаков Японию – и раздались радостные крики.

Даже учитывая низкую искусственную гравитацию в половину земной, стоять на прозрачном полу и смотреть на Землю было жутковато.

– Лучше бы сделали купол с видом на звезды... – пробормотал Бэзил себе под нос.

– Он по соседству. Но пользуется меньшей популярностью, – вдруг ответила стоящая рядом женщина. Китайка, моложе Бэзила, невысокая, с широким строгим лицом, показавшимся отдаленно знакомым. Видимо, она прочла во взгляде Бэзила попытку узнавания, потому что протянула руку. – Рада вас видеть снова, доктор Николсон.

– Простите... – Бэзил нахмурился. – Конгресс в Шанхае?

– Почти угадали, – кивнула женщина. – Симпозиум в Ланьчжоу. Шанхай большой, но это не весь Китай.

– Ну конечно! – Бэзил радостно закивал. – Вы профессор Мэйли! Специалист по... – Он запнулся.

– По фелиноидам.

Расстраиваться причин не было, Бэзил понимал, что не он один получил приглашение. И все-таки его кольнуло то, как уверенно держится Мэйли. Она поняла ситуацию раньше, чем он. Бэзил сказал:

– Мы не случайно тут встретились, полагаю.

– Вы правы, доктор. Я прилетела три часа назад, но решила дожидаться вас и вместе отправиться на корабль.

– «Твен»? – уточнил Бэзил.

Мэйли кивнула.

– Очень рад, что вы примете участие в экспедиции, профессор, – почти не кривя душой, сказал Бэзил. Мэйли могла быть сколь угодно прославленным специалистом по псевдокошачьим разумным, но всей полнотой вопроса владел только он сам. – Интересно, по каким критериям нас отобрали. Я полагаю, что помимо научных знаний было много других факторов.

– Несомненно, – согласилась китаянка. – Но я предлагаю отправиться к кораблю, а по пути обдумать куда более интересный вопрос.

– Какой же? – вежливо поинтересовался Бэзил.

– По какой вообще причине космическое агентство срывает с места лучшего специалиста по системе Невар и лучшего знатока разумных кошачьих и предлагает им через сутки отправиться на новеньком корабле в путешествие за две сотни световых лет. Я никогда не слышала, чтобы бюрократы страдали альтруизмом и позволяли утолять чисто академическое любопытство за счет налогоплательщиков.

– Возможно, вы не в курсе, – не удержался Бэзил, – но в настоящий момент цивилизация Невара заканчивает сборку первого межзвездного корабля. Возможно, нас пригласили именно по этому поводу?

– Для того чтобы торжественно принять Невар в Соглашение? – Мэйли скептически покачала головой. – О, это, бесспорно, будет торжественное мероприятие. Прибудут делегации всех цивилизаций. Масса бюрократов, политиканов, репортеров. Не забудут популярных музыкантов, режиссеров, актеров и прочих селебрити. Но неужели вы серьезно думаете, профессор, что они позовут ученых?

* * *

Каюта командира была точно такой же, как и на «Енисее». Спальня, малая кают-компания, душевая с галюном и гостевая спальня – тех же размеров, что и командирская. Она предназначалась для того маловероятного случая, когда на корвете будет путешествовать какая-то особо высокопоставленная шишка из агентства.

Валентин не имел ничего против привычного интерьера. Он подключил свой планшет к сети, позволяя ему сформировать сервисные службы каюты, развернул и наклеил на стену фоторамку, забитую земными пейзажами и спокойной музыкой. Проинспектировал бар и даже налил себе коньяка на дно бокала.

В дверь легонько постучали, и в кают-компанию заглянул Матиас. Его, как и командира, сервисные службы были обязаны пропускать в любой отсек корабля, даже в личные каюты.

– Можно? Не занят?

– Предаюсь разврату, – отсалютовал ему рюмкой Валентин.

– Русские традиции! – просиял Матиас. – Старые добрые традиции!

– Налей и себе, – сказал Валентин. – Стань немного более русским.

– Куда уж больше... – Матиас отправился к бару.

– Как тебе корабль?

– Да все как было, только с блестками, – усмехнулся старпом. – Нет, кое-что подправили.

Ученые порадуются – больше зондов, лаборатории поновее. Сколько их будет?

– Два человека, – сказал Валентин.

– Всего-то?

– И два нечеловека. Халл-третий и Ракс.

Матиас застыл с бокалом в руке.

– Ты шутишь? Ракс? Нет, серьезно, что ли?

– Какие шутки. Сегодня должны прибыть.

– И Ракс тоже? Зачем им прыгать к нам, а потом лететь обратно к Невару? Это же их протекторат! Под боком у них! Там наблюдатель от Ракс безвылазно сидит!

– Только Ракс знает, что хочет Ракс, – философски ответил Валентин.

Приятель сдвинули бокалы.

– Если бы ты сказал сразу, я бы не сомневался, – сказал Матиас. – Лететь вместе с Ракс! Бесценный опыт.

– На крайний случай придержал, – признался Валентин. – Если бы ты наотрез отказывался пойти в команду. А как наши?

– Наши будут завтра к утру. Все согласились. Только Александр, похоже, обиделся, что ты его не зовешь.

– Он же сам хотел уйти.

– Так то сам, – ухмыльнулся Матиас. – Лучше скажи, ты зачем взял в команду троих шкетов?

Валентин вздохнул:

– Думаешь, у меня был выбор? Мегер натянула бы все веревки. Не доверяешь детишкам?

– Меня волнуют не их профессиональные навыки, а умение работать в коллективе. Нам было по восемнадцать-девятнадцать лет, когда мы впервые проходили практику. И оказались оболтусы еще те. А ведь стажировались на большом корабле!

– Люции семнадцать, только один мальчишка помладше.

– А вот это как раз плохо! – Матиас покачал головой. – Ты же видел, она уже начала со мной кокетничать. Зачем мне такая радость в полете?

– Возьми в инженерной напильник, сооруди жуткий шрам поперек лица.

– Валя, от этого в ее возрасте только еще больше заводятся. Украшенный шрамами старпом? – Матиас замотал головой. – Девочка совсем с ума сойдет.

– Да ладно тебе... справишься. Скажи, что у тебя на Земле парень и ты хранишь ему верность, – садясь в кресло, предложил Валентин.

– Не поверит.

– Тогда что ты жертва лучевой атаки и способен только глазки строить.

Матиас махнул рукой и сел напротив.

– Завидовать дурно... Валя, а ты ничего не хочешь мне сказать?

Валентин вопросительно посмотрел на товарища.

– Мутная какая-то история вышла. На комиссии тебя с пылью смешали. Обещали, что будешь лед на Марс возить. И вдруг дают новый корабль.

– Экипаж меньше. Наказание.

Матиас укоризненно посмотрел на него.

– Это для проформы. Признавайся – завелся покровитель? Кто-то одобрил твои действия?

– Мои? – удивился Валентин.

Матиас картинно схватился за волосы и изобразил, что рвет их. Валентин рассмеялся:

– Хорошо. Сегодня твоя юная фанатка приготовит нам торжественный ужин по случаю прибытия экипажа на борт.

– наших еще не будет, все на Земле до завтра.

– Им это и не надо знать.

Матиас нахмурился.

– Даже нам не обязательно, – уточнил Валентин. – Но раз уж ты задаешься вопросом, то я его подниму. На ужине с учеными. Они уже на станции, скоро будут на корабле.

– Люди?

Валентин вздохнул:

– Все, Мати. И люди, и нелюди.

* * *

Когда космический корабль уходит в автономный полет – люди на нем по большей части лишь груз. Техника ремонтирует себя сама, искусственный интеллект способен провести корабль по курсу и вернуть обратно. Люди на корабле нужны по двум причинам: для того, чтобы решать наиболее нестандартные проблемы, и для того, чтобы утолять свое совершенно нерациональное любопытство.

Если быть совсем честными, межзвездные полеты ни людям, ни другим разумным расам не нужны. Солнечная система способна поддерживать существование триллионов людей – не на поверхности планет, разумеется, но во вполне комфортабельных орбитальных городах. И ресурсов, и энергии в любой стандартной звездной системе тоже хватает с избытком. Если же вести речь о получении научных знаний за пределами домашней системы, то в большинстве случаев с этой задачей справляются автоматические зонды.

Единственная причина, по которой люди и другие разумные расы все-таки летают к звездам, – та, что они могут это сделать.

А раз уж люди путешествуют, то они предпочитают делать это с максимально возможным комфортом.

Лючия слегка покривила душой, говоря, что в ее семье не готовили. Итальянские корни – это все-таки итальянские корни. Но она к приготовлению блюд была равнодушна, ее вполне устраивала замороженная пицца и лазанья из микроволновки. В обязанности специалиста жизнеобеспечения входило, однако, приготовление пищи – и негласно подразумевалось, что это не только еда из готовых рационов.

Тедди зашел на камбуз через час после начала битвы за торжественный ужин. Минуту постоял, глядя на царящий вокруг Лючии разгром. Спросил:

– Что готовишь?

– Неужели не видно? – огрызнулась Лючия. – Салат капрезе и паста маринаре.

К Тедди она относилась хорошо, но временами мальчишка был совершенно несносен. Самый младший из кадетов, он относился к учебе так, будто у него с рождения было запланировано в шестнадцать полететь в космос, в двадцать один получить офицерские нашивки, а в тридцать – командирский берет!

Лючия, конечно, немного ошибалась. Командиром Тедди планировал стать в двадцать семь лет.

Тедди подошел, заглянул в кастрюлю и хмыкнул. Спросил:

– Спасать тебя? До ужина час остался.

Лючия, с недоумением разглядывающая слипшиеся тальятелле, спросила:

– Неужели твои отцы научили тебя готовить?

– У нас всегда готовила мать, отцы только барбекю делали. Ну и самогон, но это не еда. Ты неправильно понимаешь распределение ролей в триадном семейном союзе... Ну так что, спасать?

– Спасай, – призналась Лючия. – Я не понимаю, почему у меня ничего не выходит.

– Потому что на корабле пониженное давление и гравитация. Ладно, учись, как ломать систему.

Лючия с надеждой посмотрела на Тедди.

Юноша достал коммуникатор, развернул экран и стал что-то изучать.

– Ты можешь поднять давление и повысить гравитацию? – с надеждой спросила Лючия.

Тедди свернул экран и поднес коммуникатор к уху.

– Ресторан «Небесная Италия»? Вы доставляете заказы на пришвартованные корабли? Да, атмосферный шлюз есть. Хорошо, выйдем к шлюзу. Нам нужно десять порций салата

капрезе и десять порций тальятелле с морепродуктами. Ну и давайте еще десять десертов. Вы какие порекомендуете? Ага. У нас только час! Хорошо, через сорок пять минут.

Он спрятал коммуникатор и подмигнул Лючии.

– Ты меня спас! – воскликнула Лючия.

– Знаю. Но заказ оплатишь сама. – Тедди протянул ей коммуникатор. И небрежно добавил: – Кстати, уже прибыли пассажиры. Я видел возле шлюза, как командир и старпом встречают Халл-третьего. Незабываемая картина!

– Повезло тебе, – с завистью сказала Лючия.

– Конфетку будешь? – неожиданно спросил Тедди, доставая из кармана конфету в пестрой обертке.

– Алексу предложи, он у нас сладкоежка.

– Идея, – согласился Тедди и спрятал конфету.

Глава четвертая

С точки зрения Уолра, пытливого исследователя Халл-3, люди были слишком уж привержены традициям и слишком уж пренебрегали прогрессом.

Взять, к примеру, их космические корабли. Веретенообразная форма сама по себе приемлема, Халл-3 не использовал лишь шарообразные формы, поскольку они были основными у Халл. Так что заостренный цилиндр, даже если ему не нужно входить в атмосферу планеты, вполне годится.

Но зачем делать жилые палубы *вдоль* цилиндрического корпуса? Ведь вектор искусственной гравитации можно повернуть как угодно. Было бы так логично разместить десятки палуб *поперек*, одну над другой, чтобы верх и низ обрели протяженность. И не только с точки зрения Халл-3, в культуре людей эта идея тоже присутствовала. Их здания тянулись к небу и врастали в почву – Уолр всецело одобрял такую концепцию. Но для космических кораблей люди зачем-то приняли традицию своего морского флота. Корабли Человечества не зря звались кораблями – они плыли по безбрежному океану космоса, и палубы делили их вдоль, а не поперек. Прискорбная приверженность устаревшему!

Зато обилие свободного пространства и мебель в помещениях Уолр понимал. Приматы эволюционировали в лесах, они привыкли к большому пространству, но заполненному стволами, ветвями и прочей гадостью. Нельзя требовать от них слишком многого. Самому Уолру, в силу его редкой профессии, приходилось пользоваться искусственно индуцированной клаустрофобией, так что он относился к обилию пустоты вокруг с юмором.

Юмор – вообще главное в жизни. Все Халл-3 разделяли эту точку зрения и потому с сочувствием относились к своим прародителям-Халл.

По коридорам космопорта Уолр шел быстро, вежливо раскланиваясь со встречающими, а перед дамами приподнимая шляпу и изящно приседая в полупоклоне – тросточку приходилось приподнимать, чтобы она не билась о пол. Дам это вводило в ступор, они начинали пахнуть острее, и Уолр с трудом сдерживал хихиканье. Впрочем, вряд ли случайный человек смог бы понять, что басовитое урчание – это сдавленный смех.

Но перед гермошлюзом Уолр извлек из кармана черные очки-консервы, нацепил на морду и вытянул тросточку перед собой. Обстукивая пол (звук мгновенно обрисовал Уолру помещение), Уолр двинулся по узкому пластиковому коридору. Стенки обогревались плохо, от них шла прохлада. В зоне перехода гравитации Уолр на мгновение опустил на четыре лапы и, следуя указанию светящейся на стене стрелки, ловко шагнул «на стену».

Его, конечно же, встречали. Уолр не страдал излишним самомнением, его вполне удовлетворил бы любой член команды, но к шлюзу пришли командир и старший помощник. От обоих слегка пахло алкоголем, пеной для бритья и внутренним напряжением. Причем если от старшего помощника запах тревоги был легким, нормальным для любого человека, встречающегося с Халл-3, то командир волновался не на шутку. Неужели ксенофоб? Но вряд ли люди назначат ксенофоба командиром корабля, который везет чужих. Уолр принял бы тщательнее. Нет, все в порядке. Тревога командира застарелая, не связанная с его приходом. Это даже не тревога... это именно что напряжение, ожидание чего-то плохого, но не обязательно возможного.

Шлюз был стандартным, то есть приспособленным к проходу максимального количества существ в минимальное время. В стене были шкафчики со скафандрами, но само пространство шлюза ничем не было загромождено. Только два человека и Уолр. Дверь внутрь корабля была гостеприимно открыта, за ней тянулся основной осевой коридор, по которому сейчас кто-то неспешно приближался.

– Кто здесь? – жалобно спросил Уолр, протягивая вперед правую лапу и постукивая тросточкой, зажатой в левой. – Я Уолр, ученый с Халл-три, исследователь гуманоидных цивилизаций. Это научное судно «Твен»? Здесь так... так пусто...

Командир шагнул вперед, протянул руку и осторожно пожал лапу Уолра в районе запястья.

– Уолр ми гейч ас ала, ча ми гэд фэйлтичадх аир бьолрд ан рэннсачайдхх ветте «Твен», – сказал командир на резковатом, но правильном звуковом ксено. – Ас эуррам ас’анн дхайне бхатс ггэд адхла кадх аннс аннед агн. Ас э накну айм хен асслимх айн аггус нал ларбха ас кугалла-ах-ам биадх агад. Тчан фнак ту ан гранлэчд а-рирамх.¹

Уолр умел проигрывать. Вздохнув – этот звук вышел у него почти человеческим, Уолр стянул темные очки.

– Мы можем говорить на земном языке, – сказал он. – Я неплохо знаю внешний английский.

– Уррам дхомб мар неч гейч ас ала, – сказал командир. – Мое имя Валентин Горчаков, я капитан второго ранга российского космического агентства и командую этим кораблем. «Твен» оборудован для пребывания всех рас Соглашения, и мы имеем три каюты для ксеносов. Я распорядился приготовить одну из них по стандарту Халл-три. Если необходимо, мы можем включить фоновый звук по всему кораблю для удобства вашей ориентации в пространстве. К сожалению, мы не сможем ничего сделать с размерами общих помещений и наличием в них пустот.²

– В этом нет необходимости, командир, – ответил Уолр. – Я обладаю искусственно индуцированной клаустрофобией, и поэтому свободное пространство вокруг кажется мне восхитительным.

Втянув когти, он пожал руку старшему помощнику. Тот представился:

– Матиас Хофмайстер. Капитан третьего ранга, старший помощник на «Твене». Какие-то проблемы с глазами, академик Уолр? Наш врач пока не на борту, но мы можем вызвать специалистов из порта.

– Нет-нет, с глазами все в порядке. – Уолр дружелюбно взмахнул лапой и насмешливо заурчал. – Я модифицировал их еще в ранней юности, и они видят прекрасно, ничуть не хуже человеческих. Улучшение зрения очень популярно у нашего народа.

– Но эти очки...

– О, я лишь хотел пошутить! – добродушно откликнулся Уолр. – Мы не так часто встречаемся, это большое упущение. Но есть стереотипы восприятия. Я подумал, что когда на человеческий корабль входит большой волосатый крот – с острой розовой мордочкой, крепкими когтями, в просторных штанах и шляпе-котелке...

Люди молчали, глядя на него.

– Тросточка и черные очки! – подсказал Уолр. – Я очень люблю вашу мультипликацию. История про девочку, которая дружила с различными ксеносами. С рептилоидами, с грызунами, с орнитоидами, с кротиком...

– Дюймовочка, – сказал вполголоса Матиас. – Господи, вы что, видели мультяшную Дюймовочку?

– Конечно! – воскликнул Уолр. – Для меня это был один из основных доводов к тому, чтобы заняться изучением гуманоидов. Если уж в давние времена, находясь еще на первом-втором уровне развития, люди мечтали о дружбе с иными цивилизациями? Как можно не ответить

¹ – Приветствую вас на борту исследовательского корвета «Твен», нижний академик Уолр. Для нас честь зарыть вас в нашем гнезде. Самые скользкие черви и самые пахучие личинки будут вашей пищей. Пусть вы никогда не увидите света (*аудио-ксено, упрощенная версия*).

² – Большая честь для меня, нижний академик (*аудио-ксено, упрощенная версия*).

на этот позыв? И эта трогательная история любви юной человеческой девушки и пожилого крота! Ах, я становлюсь сентиментальным, говоря об этом!

– Но Дюймовочка и крот... – начал Матиас.

– Нежно любили друг друга, однако Дюймовочка была вынуждена покинуть крота, чтобы участвовать в спасении орнитоида, – быстро сказал командир. – Позвольте проводить вас в каюту, Уолр. А ваш багаж?

– О, его доставят через пару часов, – вздохнул Уолр. – У меня там небольшой запас живых личинок для праздничных завтраков, а вы же знаете, карантинные офицеры – такие формалисты!

Он огорченно взмахнул лапой и повернул голову к стоящему в глубине шлюза юному человеку в кадетской форме, словно бы только его заметив.

– Приветствую, молодая особь! Ваш совместный отпрыск, командир и старший помощник?

– Нет, всего лишь кадет, проходящий обучение, – ответил Валентин. – У вас есть вопросы, кадет?

– Никак нет, сэр! – Кадет попытался улизнуть, но Уолр не собирался упускать такой чудесный повод для шутки.

– Постой, молодая особь! Я знаю, что все гуманоидные детеныши обожают быстрые углеводы. Хочешь конфетку?

Он запустил лапу в карман штанов и вытащил припасенную на такой случай конфету.

– А вот мне мама не велела брать конфетки у незнакомцев, – пробормотал себе под нос Матиас. Уолр отметил, что такая манера говорить, ни к кому не обращаясь, была свойственна старшему помощнику.

– Чистейший упаренный жучиный сок! – сообщил Уолр, протягивая конфету юноше. Тот заколебался, но под пристальным взглядом командира взял конфету и даже поблагодарил на ксено:

– Дьолч чи...

Произношение, кстати, у него было лучше, чем у командира.

– А теперь помогите кадету Люции, юноша, – сказал Валентин. – Скажите, что к ужину будет Халл-третий.

– Но исключительно в качестве гостя, если вы не против! – добродушно сказал Уолр. – И я с удовольствием отведаю земную пищу, если в нее не входит укроп и прочие продукты из красного списка для моей расы.

Кадет поспешил исчезнуть, а командир со старпомом провели Уолра к его каюте. В общем-то он знал планировку корветов «писательской серии», но отказываться не стал. Каждая минута, проведенная в общении с людьми, – замечательный опыт.

Каюты ксеносов располагались за каютами экипажа, ближе к лабораторному отсеку. Свою Уолр узнал сразу – в отличие от всех остальных, чьи двери вели в коридор, его ждал люк в полу.

– Я только приведу себя в порядок и приду к ужину, – пообещал Уолр. – Испытываю безграничную признательность за ваше гостеприимство!

Люк сдвинулся, открывая слой мягкой, податливой почвы.

– Вы не против? – спросил Уолр. Не дожидаясь ответа, расстегнул пояс и остался без штанов, свернул их и положил вместе с тростью на полочку в стене над люком. Эта полочка на самом деле очень тронула Уолра – люди намекали на обычай носить одежду, но старались сделать это максимально деликатно.

Впрочем, топорщившаяся по всему телу шерсть и особенности анатомии Халл оставляли Уолру мало шансов нарушить человеческие приличия.

– Будем ждать вас с нетерпением, – сказал командир.

– Я хочу это видеть, – опять прошептал себе под нос Матиас.

Уолр согнулся с грацией, неожиданной для его массивного тела, и нырнул в землю. Мелкая вибрация, пошедшая по его телу, отозвалась в ногах людей даже через палубу.

Несколько мгновений на поверхности были видны ноги и хвост, потом исчезли и они. Остались только круги на земле.

– Шикарно вошел, – сказал Матиас. – Десять баллов из десяти.

Люк сдвинулся, оставляя Уолра в заполненном рыхлой землей пространстве каюты.

Командир и старпом переглянулись.

– Я знаю, что Халл-три любят шутить, но я бы не сказал, что это близкий нам юмор, – заметил Матиас.

– Почему же? С конфетой из жучинового сока вышло замечательно, – признал командир. – Да и с очками было довольно стильно.

В двух метрах под ними нежащийся в объятиях рыхлого грунта Уолр зашелся в лающем смехе. Люди всегда недооценивали остроту слуха его расы.

* * *

С точки зрения любой из рас Соглашения первый звездный корабль дуальной цивилизации Невара был примитивен. Как известно, существует множество способов путешествовать во Вселенной быстрее скорости света. Самый экзотический и действительно мгновенный, но при этом и самый опасный – *перемещение Ракс*. Куда более медленный, но в полной мере отвечающий самому смыслу слова «полет» – движение через складки пространства, используемые Халл. Живые корабли Феол уходят в плоскость и проползают (в буквальном смысле слова) свой путь в двумерном пространстве. Ауран, которым посчастливилось жить в тесном звездном скоплении, используют метод вырождения расстояния, который, с точки зрения людей, вообще больше философская концепция, чем научная теория. В любом случае этот метод позволяет перемещаться очень быстро, но лишь на относительно небольшие расстояния, так что по-настоящему дальнее путешествие для Ауран – утомительная череда сдвигов в пространстве. Люди использовали для перемещения «*кротовьи норы*», что было восхитительно милым и смешным, с точки зрения Уолра.

Звездолет, который строили люди и кисты Невара, был оснащен варп-двигателем, использующим эффект пузыря Алькубьерре, как это называют на Земле. (Русские, впрочем, уверяют, что первым эту технологию еще в двадцатом веке предложил ученый-ядерщик по фамилии Козерюк, но в историю вошел именно мексиканский физик.)

Говоря проще – корабль с этим приводом сжимал пространство перед собой и расширял сзади, в результате чего и передвигался быстрее скорости света.

Ученые Невара, два десятка лет назад совершившие это удивительное открытие, не знали того, что «пузырь Алькубьерре» в той или иной форме изобрели все цивилизации пятого уровня. Ауран отказались от использования этого принципа после теоретических исследований, Феол и люди провели по одному полету, Халл – целых три (собственно говоря, третий полет и стал причиной исчезновения цивилизации Халл-2 и возникновения цивилизации Халл-3, после чего обе части разделенной расы использование этого принципа запретили). Ракс не вдавались в детали, сообщив лишь, что в результате экспериментов и наблюдений сочли этот способ передвижения слишком опасным и они не советуют никому его использовать.

Учитывая, что неудачное *перемещение Ракс* могло теоретически привести к исчезновению нынешней Вселенной и возникновению новой, совершенно другой, к их мнению следовало прислушаться.

Однако как человеческие, так и кошачьи ученые Невара пока относились к открытию варп-двигателя с большим оптимизмом. По их авторитетному мнению, удаление корабля от звездной системы на расстояние, равное двухкратному радиусу орбиты внешней, замерзшей и необитаемой планеты, позволяло использовать варп-двигатель без всяких негативных последствий. Находящаяся всего в восьми световых годах звезда Соргос (если придерживаться земных мер расстояния и названий) давно уже была признана ими пригодной для колонизации. У Соргоса имелась планета в «зеленой зоне», атмосфера планеты содержала кислород и водяной пар. Соргос хоть и излучал в радиодиапазоне аномально сильно, но по спектру видимого излучения соответствовал Невару. В общем – прекрасная звездная система для первого полета, изучения и последующей колонизации.

Станция «Кольцо» была создана специально для постройки межзвездного корабля, пока еще не получившего собственного имени. Она вращалась вокруг Ласковой – третьей обитаемой планеты, расположенной между более близкой к звезде планетой людей и более удаленной планетой фелиноидов. По какой-то удивительной случайности эта планета, одинаково комфортная и для людей, и для кис, не породила животную жизнь. Зато с растительностью на ней все было прекрасно.

Межзвездные корабли не избалованы иллюминаторами. Зато на станциях их делают – прежде всего ради психологического комфорта экипажа. Анге стояла у одного из самых больших, в человеческий рост, и смотрела на Ласковую. Зелень материков, густая синь океанов, белизна облаков... Наверное, все обитаемые планеты похожи друг на друга. Через полгода экспедиция узнает, как выглядит мир Соргоса.

К сожалению, Анге узнает это только через полтора года, когда корабль вернется.

Промашка с упавшим в волновод хомутиком осталась никому не известной. Криди не соврал и никому не рассказал о случившемся. Ей не хватило баллов. Пять лучших инженеров, участвовавших в сборке корабля, должны были войти в экипаж. Анге стала шестой.

Просто не повезло.

Вино в узком бокале нагрелось и стало невкусным. Станция медленно вращалась, создавая заменяющую гравитацию центробежную силу. Как и многие другие цивилизации, обитатели системы Невар придумали сверхсветовые перелеты раньше, чем полноценную искусственную гравитацию. Экипажу корабля придется жить и работать в таком же вращающемся «бублике» – и в невесомости центрального корпуса.

Анге сделала глоток и подумала, что не хочет возвращаться домой. Ее никто не ждал. Сестры у Анге не было, вообще никогда не было – боль незабываемая, горе непреходящее, но с этим Анге жила всю жизнь и смирилась. Младшие братья жили своей жизнью, сторонясь одинокой сестры. Родители давно развелись и с детьми вообще не контактировали. Мужчина, с которым у нее (несмотря на все печальные личные обстоятельства) почти сложилась семья, сразу предупредил, что не собирается ждать на планете, пока она работает над постройкой корабля. Это было восемь лет назад, и, насколько Анге знала, он уже давно жил в браке и воспитывал дочерей.

Может быть, эмигрировать на Ласковую? Это была планета кис, но на ней имелось несколько небольших человеческих поселений. Кисы не были против. Кисы любили людей, может быть, даже больше, чем люди друг друга.

Анге допила вино, прислушалась. Веселые голоса доносились отовсюду. Режим герметичности отсеков стоял на минимальном уровне, все работы на станции закончились, и большая часть внутренних люков была открыта.

Банкет по случаю сдачи корабля не был официальным, но что он состоится, все знали еще год назад. И готовились, разумеется, – завозили деликатесы, протаскивали через контроль алкоголь, шили праздничную одежду. Кисы к одежде относились с иронией, но в культуре людей Невара она занимала видное место.

Анге опустила взгляд, посмотрела на свое длинное в пол платье – она заказала его в дорогом ателье, даже однажды вырвалась на планету, чтобы снять мерки вживую. Платье было красивым. Слишком красивым для женщины, которую не взяли в экипаж.

– Анге, я принес вина.

Криди, изящный и бесшумный будто призрак, подошел к ней из темноты. Давно ли он в отсеке? Анге решила, что это не важно. Она стояла, смотрела на планету и пила вино. Ничего постыдного.

– Спасибо, Криди.

По случаю банкета киса тоже нарядился. На нем были обтягивающие ярко-оранжевые штаны, серая жилетка, белый бант на хвосте и золотистые браслеты на лапах. Кисы не придавали цветам и фасонам одежды никакого значения, но вот ее обилие прямо-таки кричало: «Я отдыхаю, расслабляюсь, я не буду работать, сражаться и даже заниматься сексом».

Приняв из лапы кисы бокал, Анге указала на Ласковую.

– До чего же красивая планета. Я хочу туда поехать. В людскую колонию.

– Хорошая идея, – одобрил Криди. Он грыз остро пахнущий корешок нуки, что заменяла кисам и алкоголь, и курение, и вдыхание серого пепла. – Сразу после полета? Или к старости?

– Криди, я не прошла, – сказала Анге. Неужели он еще не смотрел списки?

– Ты лучший инженер из людей, – сказал Криди. – Несмотря на некоторую неловкость движений.

Анге усмехнулась:

– Возможно. Но я непарная, Криди. Ты же знаешь, суеверия и предрассудки никогда не уходят до конца. Они лишь прячутся в глубине разума. Удивительно, что мне вообще позволили работать на станции.

– Люди меня порой удивляют, – вздохнул Криди. – Эта ваша коллективность... Но ты в экипаже, Анге.

Женщина недоуменно посмотрела на него.

– Тнак отказался от должности, – объяснил Криди. – Он решил, что хочет заняться научной работой на планете. Так что освободилось одно место... обратились ко мне, и я объяснил, что прочие инженеры-кисы недостаточно квалифицированы. Им пришлось согласиться, что это место может занять одиночка-человек.

– Тнак отказался? – Анге была поражена. Тнак был хорошим инженером. И еще он жил мечтой о полете к звездам.

Криди кивнул, жмурясь и глядя на планету.

– Это... это твоя работа? – вдруг поняла Анге. – Но как...

– Моя работа – собрать хорошую инженерную команду, – жестко сказал Криди. – Мы все знаем, что ты лучший специалист, чем Тнак.

– Но почему он отказался?

– Я его убедил, – сказал Криди. Протянул корешок между острых клыков, прожевал мякоть. – Была одна история, о которой мало кто знал... и мы с Тнаком решили, что лучше никому и не знать. Он принесет больше пользы в команде разработчиков, строя второй корабль.

– Ты его шантажировал! – воскликнула Анге.

– Можно сказать и так, – беззаботно ответил Криди. – Что плохого в шантаже, если он идет на пользу всем?

– Но, Криди... я ведь тоже допустила...

– Ты перепутала полярность плазменного инжектора? – спросил Криди. – А когда система выдала сигнал ошибки, сочла его случайным и перепрограммировала датчик?

Анге ахнула, закрыв лицо руками. У нее было хорошее воображение, и она представила себе то, что случилось бы с кораблем и станцией во время первого теста двигателя.

– Все ошибаются, – мрачно сказал Криди. – Ошибки бывают простительные и непростительные.

– Ты же сам говорил, что не случившееся – не важно, – напомнила Анге.

– Не важно, поэтому Тнак жив, а не летает в вакууме без скафандра или не управляет буровой установкой в шахте на астероиде. Но ошибка непростительная, и потому он не должен иметь возможности ее повторить. К тому же ты со своей ошибкой сразу пришла ко мне, а его ошибку я обнаружил сам.

– Ты прав, – признала Анге. – Но тогда его надо было устранить сразу.

– Нет. Я подозревал, что мне внезапно потребуется отказавшийся от полета одинокий инженер. – Криди подмигнул ей. – Не переживай, девочка. Ты принесешь больше пользы, чем самоуверенный старый кот. И он отделался очень легко. Все хорошо... ну... ну что ты...

Анге, уткнувшись ему в плечо, рыдала. Криди вздохнул, обнял ее одной лапой. Сказал печально:

– Жаль. Жаль, что ты не киска. Это было бы так романтично и закончилось бы таким страстным спариванием...

Анге против воли рассмеялась. Тема секса между людьми и кисами была табуирована лишь у людей – и лишь по причине того, что такого секса не могло быть. Физиология людей и кис в этом вопросе разительно отличалась. Но Анге сама была живым воплощением нарушенных условностей – и потому готова была шутить и о межвидовом сексе.

– Мне тоже жаль, Криди. Я бы отдалась тебе с таким восторгом, будто это мой первый и последний раз. Я бы даже мяукала.

Криди захохотал, хлопая ее по плечу.

– Пошли к остальным, девочка. А то я так заведусь, что попробую совершить невозможное.

– А вдруг? – игриво спросила Анге, вытирая слезы.

Криди страстно заурчал. Потом посерьезнел, взял ее за руку и повел к люку, к голосам и веселью, человеческому и кошачьему. Эффект Кориолиса немедленно отозвался на движение неприятным ощущением качки.

Анге еще раз оглянулась на зеленый шар планеты. И поблагодарила те удивительные законы природы, по которым у них, людей, есть такие братья и сестры по разуму, как кисы.

* * *

С работой было плохо.

Любая война, как это ни цинично, благо для экономики. Вначале к ней готовятся. Ученые наконец-то получают деньги для удовлетворения своего любопытства, изобретают массу вещей, из которых для убийства пригодна лишь часть. Потом заводы и фабрики выпускают оружие, рабочим и инженерам платят за сверхурочный труд, селяне заготавливают продукты, военные проводят учения, журналисты и писатели пишут патриотические тексты, актеры снимают фильмы и ставят спектакли. Все при деле.

Потом начинается война. Солдаты с двух сторон убивают друг друга, рушат дома и фабрики, жгут посевы. Уцелевшие заводы работают круглосуточно, производя все новые и новые боевые машины, амуницию, припасы.

Наконец война каким-то образом заканчивается. Иногда кто-то побеждает, иногда враги заключают перемирие, поступившись частью амбиций или добившись символических успехов. Армии сокращают, выжившие возвращаются домой – и начинают восстанавливать разрушенное, отстраивать города, обрабатывать землю. С работой проблем нет. Если ты выжил – ты уже победил, даже если твоя сторона проиграла. Ты делаешь карьеру, зарабатываешь деньги, женщины согласны для тебя на все – ведь мужчин осталось мало.

Война – это плохо для людей, но хорошо для экономики.

Сейчас война, самая большая и страшная война в истории, не случилась. Несколько пограничных стычек и несколько сотен жертв – не в счет. Над Соргосом распустились Крылья и принесли мир.

Умом Ян понимал, что это замечательно. В этот раз жертв было бы очень, очень много. Про ядерное оружие были разные мнения, некоторые считали, что это просто очень мощные бомбы, но Ян прекрасно понимал, что ядерная война отличается от обычной кардинально. Он видел учебные фильмы, он говорил с командиром части по особым БЧ и понимал – цивилизация стоит на краю. Если у них и правда больше сотни зарядов, и у противника тоже...

Но радость от неслучившейся войны не отменяла того, что на рынке труда был переизбыток. Военной техники было построено много, но никто пока не собирался ни строить новую, ни демонтировать старую. Исследования космического пространства, по сути, свернули – военным хватало запущенных спутников фоторазведки, проект создания орбитальной станции отложили в долгий ящик. Бывший ракетчик сейчас никому не был нужен. Люди готовы были копытом землю рыть ради любой работы.

Яну еще, можно сказать, повезло. Он начал работать в местном училище – преподавал физику детям, едва сменившим младшую, родительскую, семью на среднюю, семью подростков-школяров. В общем-то Яну понравилось работать с детьми – многие обладали пытливым умом, некоторые всерьез интересовались физикой, и даже самые тупые были достаточно хорошо воспитаны, чтобы тихо сидеть на уроках, разглядывая комиксы или, если ионосфера позволяла, слушая через наушники станции с музыкальными турнирами.

Но это было не его. Яну не нравился ни график работы, ни строгость школьных правил, ни оплата его труда. Он с трудом смог позволить себе снять комнату в местных общежитиях для холостяков и вести самый непритязательный быт.

Жизнь скрашивала лишь Адиан – женщина, с которой он познакомился в день прибытия в городок. Она была необычной даже по меркам нынешнего времени, с его крушением всех устоев и правил. Вначале Ян думал, что она находится в поисках материнской семьи – на это намекала и вольность поведения, и отсутствие сережек в ушах. Конечно, в ее возрасте странно быть одинокой, но такое случалось – из средней, подростковой, семьи люди вырастали, не могли больше выносить гогочущий табун гиперактивных подростков, а достойные партнеры для создания материнской семьи никак не встречались на пути.

Но все оказалось еще удивительнее.

Адиан вообще никогда не входила в среднюю семью. Она дольше обычного задержалась в родительской, занимаясь самообразованием, потом поступила в университет – ситуация не то чтобы невозможная или запрещенная, но чрезвычайно редкая. Она изучала социологию, историю, потом сосредоточилась на футурологии, а в итоге стала довольно известным политологом. Ян даже припомнил несколько ее статей, которые читал в свое время. Как ни странно, никакой выгоды из своей известности Адиан получить не стремилась. Даже когда ее пригласили войти в один из правительственных кабинетов, она отказалась под совершенно надуманным предлогом.

– Понимаешь, Ян, – рассказывала она как-то, сидя на крохотной кухне за тарелкой свежего салата, – любая работа на постоянной основе искажает независимость эксперта. Особенно – работа на правительство. На тебя давят желание хорошей карьеры, симпатия или антипатия к начальству, патриотические чувства, соображения «государственной выгоды».

Ян фыркнул. Адиан подозрительно спросила:

– Ты не смеешься надо мной?

– Нет, – ответил Ян. – Просто улыбаюсь. Мне нравится на тебя смотреть.

– Особенно когда я сижу голышом на твоей кухне, – усмехнулась Адиан. – Так вот, я не хочу связывать свою мысль работой на власть. Карьеристы ходят табунами, найдется достаточно тех, кто будет говорить удобные власти вещи.

– Но независимому политологу... – Ян замялся. – Довольно трудно...

– Добиться благосостояния, создать материнскую семью... – невозмутимо закончила Адиан. – Но я не хочу благосостояния и семьи. У меня есть все, необходимое для жизни. Включая тебя.

– И ты не хочешь спокойного будущего?

Адиан отставила пустую миску. Спокойно сказала:

– У нас нет будущего, солдат. Ты же сам это понимаешь, верно?

– Ты имеешь в виду нас с тобой или нашу страну? – уточнил Ян.

– Весь наш вид. И нас, и Черных. И все эти карликовые государства, которые маневрируют между двумя империями.

– Почему? – спросил Ян. Он не был удивлен, он сам склонялся к такому мнению.

– Это что-то в природе разума, Ян. – Адиан вздохнула, пристально посмотрела на него. – Видимо, по мере развития науки неизбежно наступает момент, когда разумная жизнь уничтожает сама себя. Ученые гадают, есть ли жизнь на других планетах, у других звезд. Дети мечтают, что когда-нибудь мы построим ракеты, способные туда долететь, – или к нам прилетят инопланетяне. А я уверена, что жизнь есть везде, космос полон ею. Вот только стоит жизни обрести разум – и она кончает самоубийством. Поэтому мы никуда не полетим. И к нам никто не прилетит. Мы обречены. Поэтому я не хочу иметь детей, и мне не нужны материальные блага.

– Но Всевышний...

– Выдумка, – отрезала Адиан. – Ну не уподобляйся же ты простонародью! Бог – лишь выдумка из темных веков, когда наши предки бегали по саванне, трясясь и улепетывая при рычании хищников. Бога нет, Ангела его – тоже нет. А Крылья – природный феномен, вроде небесного сияния.

Ян молчал.

– Я тебя расстроила? – спросила Адиан огорченно.

– Нет. Но я видел Крылья. – Ян помолчал. – Они были прекрасны. Они не походили на небесное сияние. Они были... рукотворны. В них была какая-то разумная логика. Научная.

– Муравьиные соты тоже выглядят логично и научно, – вздохнула Адиан. Встала, присела на колени Яну. – Не переживай. Я зря тебя огорчила. Видишь – не гожусь для семьи!

Ян зарылся лицом в гриву ее волос. Поднял – и отнес к постели.

Глава пятая

– Меня зовут Ксения, – сказала она. – Я – Ракс-вовне. Третья Ракс-вовне.

Экипаж корабля встретил ее в кают-компании. В меру просторной и украшенной, как принято у людей, – несколько живописных картин, деревянные панели, встроенный в стену аквариум, где плавали разноцветные рыбки. Даже большой овальный стол и кресла, за которыми сидели люди, были сделаны из настоящего дерева. Люди всегда придавали большое значение избыточным вещам вроде культуры, искусства и дизайна. Третья Ракс-вовне находила это очень милым.

– Для меня большая честь приветствовать Ракс-вовне на моем корабле, – сказал командир. В глазах его вдруг что-то промелькнуло. – Особенно третью Ракс-вовне... Позвольте представить вам офицерский состав и научную группу.

Ксения кивнула.

Командир понял. Остальные, кажется, нет.

– Я Валентин Горчаков, капитан второго ранга, команду «Твенон». Это мой старший помощник Матиас Вагнер, капитан третьего ранга.

Старпом – красивый мужчина, ровесник командира и, похоже, закадычный друг, кивнул Ксении, не отрывая от нее взгляда:

– Рад вас видеть, Ксения.

Она ему нравилась – Ксения ощутила это всем телом, учатившимся сердцебиением и дрожью в кончиках пальцев. Интересно. Она не знала, что люди ощущают симпатию другого человека. Или же... или же это ее собственная реакция? И тогда ей нравится Матиас?

– Наш мастер-пилот Анна Мегер.

Чернокожая женщина (Ксения помнила, что цвет кожи до сих пор является у людей табуированной темой, а обращение «негр» допустимо лишь между обладателями черной кожи) протянула ей руку. Женщины обменялись рукопожатием.

– Наш системщик кадет Теодор Сквад.

Юноша, совсем еще мальчик, явно колебался в выборе приветствия и ограничился уставным:

– Добро пожаловать на борт.

– Наш навигатор кадет Алекс Йохансон, – продолжал командир.

Этот паренек был постарше и рядом со старпомом выглядел как его младший брат.

– Здравствуйтесь, Ксения, – сказал юноша. – Я очень горд тем, что вижу *третью* Ракс-вовне.

Ксения ответила ему улыбкой. Юноша был образован и симпатичен. Будь он чуть постарше, она заинтересовалась бы им серьезнее.

– Наш офицер систем жизнеобеспечения кадет Лючия Д'Амиго.

Лючия, видимо, взяв пример с Мегер, протянула Ксении руку. Тоже совсем юная девушка.

– Я могу настроить в вашей каюте любую среду обитания, – сказала Лючия.

– Спасибо, в данный момент мне не нужна среда, отличная от человеческой, – улыбнулась Ксения. – Но я ценю твое предложение.

Она посмотрела на командира.

– Позвольте выразить свое удивление количеством кадетов на нашем рейсе. Он отнесен к категории учебных?

Анна Мегер чуть заметно нахмурилась.

– Нет, – спокойно ответил командир. – Но это обычная и распространенная практика. Кадеты имеют все необходимые знания и навыки для выполнения своих обязанностей. В этом нет неуважения или пренебрежения к участникам Соглашения.

Ксения продолжала смотреть на него. Командир продолжил:

– Я рискну напомнить, что именно Человечество предложило отправить научную миссию к Невару.

Это было правдой.

– Благодарю, командир, – сказала Ксения. – Вы правы, а мой вопрос был некорректен по форме и содержанию. Я рада приветствовать экипаж «Твена».

Старший помощник пробормотал себе под нос очень тихо, однако Ксения услышала: «Все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие».

Сидящая за столом особь Халл-3 издала тихий урчащий звук. Видимо, Халл-3 нашел в словах старшего помощника что-то смешное, но не обидное. Ксения решила, что будет необходимо изучить произнесенную фразу, в ее культурном коде она отсутствовала.

– Еще два члена экипажа прибудут к утру, – продолжал командир. – Оружейник и врач. Могу вас заверить, что они – квалифицированные и достойные люди. Оба были в экипаже моего предыдущего корабля и показали себя прекрасными специалистами.

– «Енисей»? – уточнила Ксения. – Вы говорите о рейсе, после которого попали под трибунал?

На миг наступило неловкое молчание.

– Совершенно верно, Третья-вовне, – сказал командир. – После рассмотрения вопроса трибунал Соглашения снял с меня все обвинения. Взаимодействие отражающих полей корабля с магнитным полем планеты было непредсказуемым. Тем более это уже происходило в прошлом – во время визита исследовательского корабля Халл-три, – командир кивнул особи Халл-3, – и во время визита инспекционного зонда Ракс. Причины возникновения феномена были выяснены, но в нашем полетном задании не имелось никаких запретов на включение отражателей во время магнитной бури.

Ксения кивнула:

– Вы совершенно правы, командир. Вы не виноваты. Насколько нам теперь известно, в предыдущих случаях феномен, получивший у местных обитателей название «Крылья Ангела», также приводил к серьезным социальным потрясениям. На данный момент вопрос закрыт, командир.

Если Валентин и не был вполне удовлетворен этим ответом, то развивать тему не стал. Вместо этого он дружелюбным жестом указал на вторую половину стола.

– Тогда позвольте представить ваших коллег, Третья-вовне. Уолр, представитель уважаемой цивилизации Халл-три. Специалист по... – командир улыбнулся, – гуманоидам.

Грузное существо, покрытое с ног до головы коротким жестким мехом, слегка приподнялось над низким, явно предназначенным для его вида креслом. Розовый кончик носа, единственное, что не было покрыто мехом, затрепетал – рефлекторное приветствие Халл друг другу.

Опознать в Уолре представителя Халл-3 было несложно. В отличие от народа-прародителя Халл-3 приветствовали генетические изменения. Рудиментарные глаза Халл различали лишь свет и тьму, Халл-третьи часто обзаводились полноценным зрением. Наверное, это было очень сложно психологически для расы, которая сотни тысяч лет назад полностью перешла на подземный образ жизни.

– Рад вас видеть и обонять, Ксения, – добродушно пробасил Уолр. – Не имел чести знать вас раньше и рад буду как можно скорее не знать снова. Уверен в ваших глубоких знаниях и высоком духе.

– Вы очень любезны, Уолр, – признала Ксения. – Все зависит от того, как быстро мы исполним нашу миссию.

Сухощавый высокий мужчина, с кожей местами загорелой, а местами бледной, сидящий рядом с низенькой полнолицей азиаткой, кашлянул при слове «миссия». И с вызовом посмотрел на командира, будто его негромкий кашель был демонстрацией протеста.

– Профессор Бэзил Николсон, из... – Командир замялся. – Вы прилетели из Лондона, но мне казалось, что вы работаете в бразильском университете?

– Все сложно, – слегка сконфуженно ответил профессор.

– Лучший специалист Человечества по системе Невар, – закончил командир.

– Искренне рад знакомству. – Профессор ловко выбрался из-за стола и, прежде чем Ксения успела удивиться, пылко потряс ее руку. – Знаете, я в юности выбирал, кто станет предметом моего изучения, Ракс или Невар. Я выбрал Невар лишь потому, что Ракс уже находится в зените своего могущества и развития, а перед Неваром все впереди. Уверен, что Невар – следующий член Соглашения!

Оставив Ксению размышлять, являются ли слова Бэзила о «зените могущества и развития» комплиментом, профессор вернулся за стол.

– Профессор Мэйли Ван. Лучший специалист Человечества по фелиноидам.

Женщина привстала и коротко поклонилась. Сказала:

– Я испытываю большой интерес к нашей совместной работе, Третья-вовне.

– Взаимно, – ответила Ксения.

В профессоре Мэйли ее что-то напрягло. Интонации, выражение лица... за этим нечто было. Точнее, совершенно ничего не было и потому – было. То ли великолепно скрытое недоброжелательство, то ли опасение?

Или же это именно то, чем является, – равнодушие?

Впрочем, нельзя исключить и того, что Ракс плохо воспринимают эмоции и скрытые мотивы азиатов. Даже у самих людей всю их историю возникали проблемы со взаимопониманием рас.

– А теперь прошу всех к столу, – произнес командир. – Наша замечательная Лючия собиралась угостить нас блюдами своей родной итальянской кухни. Смею заверить наших гостей, в первую очередь вас, Ксения, что итальянские блюда очень популярны среди людей. Что же касается вас, Уолр...

– Нет-нет, никаких особых блюд! – гигантский крот взмахнул лапой. – Во-первых, наш рацион не пробуждает аппетит у людей. Я знаю, что вы тоже едите насекомых и продукты их жизнедеятельности, но я-то предпочитаю есть их живыми. Во-вторых, мой пищеварительный тракт прекрасно модифицирован для питания вашей пищей. И в-третьих, чтобы понять кого-то – надо понять, что он ест!

* * *

Сказать, что Тедди наслаждался происходящим – значило ничего не сказать. Ужасное, нелепое происшествие в космопорте осталось позади. Более того, по мнению Тедди, случившееся пошло ему только на пользу. Может быть, Лючия была бы счастлива совершить зачетный полет на большом научном корабле, где к ужину и впрямь можно было бы надеть туфли и платье. Может быть, Алекс хотел поработать в паре с другим генетически модифицированным навигатором. А вот Тедди свою работу единственным системщиком на новом корабле иначе чем чудо воспринять не мог. Мама перед полетом навестила его и пообещала молиться, чтобы все сложилось наилучшим образом. С точки зрения Тедди, женщина, которая имела двух мужей и ребенка, собранного из ее яйцеклетки и сперматозоидов двух мужчин (увы, без всяких улучшений, Тедди был сыном двух отцов, но никаких «особых» возможностей гены

хирурги ему не придали), вряд ли соответствовала классическому образу христианки. Церкви более ортодоксальные так вообще не признавали Американскую Прогрессивную Церковь, что, впрочем, ничуть не смущало ее прихожан. Тедди к религии относился с полным равнодушием, в его мире логических конструкций и ментальных цепочек ни для Бога, ни для чуда места не оставалось. До сего дня самым большим приближением к чуду Тедди полагал стабильность кубитов в квантовом компьютере при сверхсветовом перемещении – впрочем, такого же мнения придерживался весь научный мир.

Но сейчас, пообщавшись несколько часов с искином «Твена» и осознав в полной мере, что он – настоящий и единственный системщик корабля, Тедди с благодарностью вспоминал мамино обещание молиться за него. В конце концов, молитва ведь не могла помешать! Тедди понимал, что находится опасно близко к агностицизму, но в данный момент готов был с этим смириться.

Ужин благодаря его совету удался на славу. Лючия купалась в незаслуженных комплиментах. Даже Уолр нахваливал спагетти болоньез, втягивая пасту с таким энтузиазмом, что спагетти казались живыми червями.

В самом недалеком будущем, когда «Твен» отправится в полет, Тедди предвидел у Люции серьезные трудности. Впрочем, это было исключительно ее проблемой, свою задачу Тедди видел в том, чтобы кадетов не выперли с корабля и не заменили опытными офицерами. В своей квалификации Тедди был уверен, Алекс не мог напортачить генетически, ну а что касается кулинарных умений Люции... Тедди уже проинспектировал запасы готовых обедов, программы кухонного синтезатора и счел, что месяц-другой этим вполне можно питаться.

В конце концов, они же просуществовали в десятилетнем возрасте два месяца на аварийном рационе! Считалось, что это традиционное испытание для мечтающих о космосе детишек, но Тедди небезосновательно полагал, что когда-то астроколледжу перепали по дешевке списанные рационы. Ну а уже потом, посмотрев на финансовые ведомости, директор основал полезную и прибыльную традицию.

После ужина кадеты убрали посуду (в свое время возникали споры, не является ли это хейзингом или неуставной эксплуатацией курсантов и кадетов, но вопрос как-то потихоньку замяли) и неуверенно пристроились в углу салона. Могло стать и так, что им вежливо предложат отдохнуть в каютах.

Но, к радости Тедди, удалиться их никто не попросил. Командир предложил офицерам алкоголь. Ксения взяла бокал вина и с большим любопытством стала пробовать его крошечными глотками. Мегер и мужчины выбрали бренди. Уолр и земные ученые отказались, хотя у Тедди сложилось впечатление, что англичанин с большим удовольствием присоединился бы к экипажу. Похоже, он последовал примеру Мэйли.

– Я должен прояснить некоторые детали относительно нашей миссии, – сказал командир, возвращаясь к столу. – Мне кажется, что наши инопланетные партнеры более-менее осведомлены о ней...

Уолр помахал лапой, Ксения кивнула.

– Честно говоря, не ожидал, что буду проводить брифинг для научной группы, – признался Валентин. – Все как-то сумбурно...

Он помолчал, потом спросил:

– Тедди, мобильный пост?

– Настроен, у вас высший допуск! – выпалил Тедди и с гордостью поймал одобрительный взгляд Мегер. Он молодец. Он это всегда знал.

– Прекрасно, – кивнул командир. – Корабль, добрый день.

– Добрый день, командир. – Голос был ровным и нейтральным, шел, казалось, отовсюду. – Я готов к выполнению обязанностей.

Командир поинтересовался:

– Мальчик дал тебе имя?

– Кадет Теодор Сквэд сообщил мне, что именование является прерогативой командира.

Голос оставался нейтральным, но легкая нотка обиды за системщика, которого называли «мальчиком», в нем была.

Теперь Тедди заработал одобрительный взгляд от командира. Искин должен беспрекословно подчиняться командиру корабля, но своего системщика обязан любить. Каждому нужна любовь.

– Хорошо. Корабль, я считаю, что тебе должно подойти имя Марк.

Секундная пауза, по мнению малоосведомленного человека, означала, что корабль задумался. Но Тедди прекрасно знал, что искин корабля лишь имитирует задумчивость для большего психологического комфорта людей. Ситуация не требовала немедленной реакции, и корабль мог себе это позволить.

– Я мог бы предположить, что имя Марк дано мне в честь евангелиста Марка. Либо в честь первого в человеческом мире нейрокомпьютера. Но учитывая название корабля, я склоняюсь к той версии, что вы называли меня в честь американского писателя Марка Твена.

– Верно, – согласился Валентин.

Голос Марка изменился. Теперь это был хрипловатый баритон немолодого ироничного мужчины.

– Вы, пожалуй, не против небольшой имитации характера, командир?

– Конечно, если это не мешает работе, – ответил Валентин.

– Характер всегда мешает работе, командир. Ведь он создан для того, чтобы отлынивать от работы, а не для того, чтобы ее выполнять.

Валентин улыбнулся, кивнул:

– Мне нравится. Спасибо, Марк. Дай карту, пожалуйста.

Свет в салоне немного померк. Над столом возникло скопище крошечных светящихся точек, формирующее сферу диаметром около метра.

– Всем знакомо, полагаю? – риторически спросил Валентин. – Обозначить миры Человечества.

Два десятка точек загорелись зеленым. Некоторые ярче, некоторые тусклее. Самая яркая была, разумеется, в центре, карта была человеческой. Тедди знал, что, если увеличить масштаб, центральная точка распадется на десяток – Земля самая яркая, Луна и Марс тусклее, едва уловимые блески венерианских атмосферных поселений, крошечные огоньки в поясах астероидов и на спутниках планет-гигантов. Может быть, даже Космосити со звездным портом будут видны.

– Обозначить Феол.

Рядом с зелеными высветились желтые огоньки – в осязимо большем, даже на беглый взгляд, количестве.

– Обозначить Халл-один и Халл-три.

Появились красные и розовые огоньки – двумя вытянутыми группами, не то охватывающие желтые и зеленые огоньки, не то удерживаемые ими от столкновения.

– Обозначить Ауран.

Фиолетовые искры возникли чуть в стороне от остальных. Их было много, но они группировались в тусклую плотную сферу, в центре которой горел яркий фиолетовый огонек.

– Ну и конечно же, Ракс, – добавил Валентин.

Почти на краю сферы, дальше Аурана, вспыхнула голубая точка. Яркая, но одна-единственная.

– Что мы видим? – спросил Валентин. – Кадет Лючия?

Девушка вздрогнула от неожиданного обращения.

– Цивилизации Соглашения. Все шесть. Или пять, смотря как считать. – Она неловко посмотрела на Уолра. – Поскольку среди нас нет представителей Халла-один, будем считать, что шесть.

Уолр махнул лапой, давая понять, что Халл-3 относится к комплексам своей материнской цивилизации с бесконечным терпением и полным безразличием.

Валентин одобрительно кивнул Лючии. Провел рукой над столом, разворачивая карту, растянул ее, увеличив ту часть, где была искорка Ракса. Теперь на карте осталось два десятка белых точек, а в центре – голубая.

– Что мы видим, кадет Йохансон?

– Материнская система Ракса, – не раздумывая ответил тот. Для генетически измененного навигатора этот вопрос не представлял никакой сложности. – И часть ее зоны протектората. Девять планет первого уровня, семь планет второго, две – третьего. Вот эта – Невар, – он протянул руку, указывая на одну из белых точек. Рядом с той появился столбик цифр.

Валентин кивнул. Немного увеличил и сдвинул карту – теперь на ней появился краешек фиолетовой зоны Аурана, лепесток розовых огоньков Халл-3 и множество белых точек. Валентин сказал:

– Покажи хронологию последовательности номер один, Марк. С кратким комментарием.

Одна из белых точек замерцала. Рядом с ней пробежала последовательность цифр и символов. Марк произнес:

– Крапп. Гуманоидная цивилизация, третий уровень, население более четырех миллиардов особей. Две тысячи двести девятый год, сентябрь. Локальный конфликт между двумя крупнейшими государствами планеты и их сателлитами. Использовано ядерное и термоядерное оружие. Гибель более семидесяти процентов населения.

Тедди нахмурился. Он помнил эту историю, она попала в новости. Жители Краппа не слишком походили на людей, но были красивы с человеческой точки зрения. Высокие, стройные, с золотистыми глазами – они походили на эльфов. Журналисты любят кадры, которые вызывают у людей искренние эмоции... Впрочем, почитав открытую информацию о привычках и обычаях «эльфов», Тедди стал относиться к их трагедии более спокойно. Дело в том, что жители Краппа были редчайшим примером высокоразвитой цивилизации, которая не табуировала поедание себе подобных...

На карте замерцала еще одна белая точка.

– Хари. Гуманоидная цивилизация четвертого уровня, население более пятнадцати миллиардов особей. Весьма развитая, но по каким-то философским концепциям не планировавшая межзвездную экспансию. Две тысячи двести десятый год, май. Конфликт между материнской планетой и колониями на двух колонизированных планетах системы. Использовано кинетическое оружие. Полное уничтожение жизни на материнской планете. Гибель четырнадцати с половиной миллиардов особей. Долгосрочный прогноз выживания колоний – двенадцать процентов.

– Помню, да, – негромко сказала Мегер и замолчала, когда Валентин предостерегающе поднял руку.

Еще одна точка.

– Воааа. Аквакультура третьего уровня, население около двадцати миллиардов особей. Две тысячи двести одиннадцатый год, июль.

– Что? – в этот раз от реплики не удержался профессор Николсон, впрочем, он осекся и виновато посмотрел на Валентина. Командир взмахом руки остановил комментарий, и Николсон продолжил: – Аквакультура третьего уровня? Вышедшая в космос?

– Да, уникальное явление, – подтвердил Валентин. – Воааа – жидкий мир, сплошной океан, даже отмелей нет. Тем не менее они создали технологическую цивилизацию и за чetyреста лет запустили два десятка искусственных спутников. Собственно говоря, только после

этого Ракс их и заметил. Интерес к космическим исследованиям у них был небольшой, что неудивительно для аквакультуры, тем более что планета в системе единственная. Но с сугубо утилитарной целью они запускали спутники и, возможно, даже совершили несколько пилотируемых полетов... Продолжить последовательность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.